

Счастье любит тишину

Автор:

Татьяна Алюшина

Счастье любит тишину

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Варя гордилась мужем и была готова тысячу раз повторить всему миру, что ее Юрочка самый умный, добрый и прекрасный человек. Но однажды он встретил другую женщину и ушел, сказав жене, что просто не способен контролировать вспыхнувшую страсть. И тогда Варвара осталась одна, не понимая, как ей жить дальше...

Татьяна Алюшина

Счастье любит тишину

© Алюшина Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Никто не знает, почему все тяжелые и беспросветные мысли приходят к человеку именно в три-четыре часа ночи и изматывают, мучают, не давая уснуть.

А вот у него наоборот.

Вся теперешняя жизнь Костромина превратилась в странную темную субстанцию бытия, из которой выделялись особым светлым куском лишь работа и самое дорогое, словно выхваченное из всепожирающей его черноты ярким прожектором и защищенное этим лучом от темноты, воспоминание о бывшем счастье.

С тех пор как случилась с Юрием эта напасть, он перестал нормально спать. Будто в наказание или в назидание, или для просветления его ума – бог знает отчего и для чего, но вот уже несколько месяцев, как он просыпался посреди ночи, где-то с трех до четырех утра, и уже не мог заснуть.

И тогда, как спасение, как исцеляющая родниковая вода, как обезболивающее к незаживающей ране, к нему приходили воспоминания.

Яркие, насыщенные солнцем, прозрачной синевой неба, наполненные невероятной очаровательной улыбкой Варюхи, ею самой – ее движениями, взглядами, голосом, ее смехом, ее радостью жизни – радостью их жизни.

И смотрели оттуда, из их счастливого пространства на двоих, эти ее потрясающие, невозможные глаза!

И он лежал, не шевелясь, чтобы не спугнуть такие болезненно-прекрасные воспоминания, и старался насытить проплывающую перед мысленным взором картинку прошлого с запахами, звуками, ассоциациями, и смаковал каждую мелочь, спасаясь в светлом прошлом от того мутного и черного, что властвовало над ним сейчас.

Спасался, как в молитве.

Чаще всего отчего-то возникало в памяти воспоминание о том, как они встретились и познакомились. Да-а, смешная вышла история.

В тот год Костромину исполнился тридцать один год, и он уже сделал серьезную карьеру, можно сказать: небывалую для обыкновенного паренька, приехавшего из провинции в столицу без протекций, каких-либо знакомств, родных и друзей в Москве.

Покорять столицу Юрий не собирался и даже в голове не держал бредовых мыслей на данную тему, просто вот уж несколько лет как мечтал учиться в одном из самых знаменитых вузов страны.

Вот втемяшилось мальчишке попасть конкретно в это учебное учреждение и получить специальность инженера-электрика!

Ну, кто про что – люди вон в артисты табунами рвутся, в финансисты какие, менеджеры, опять-таки поголовно, в юристы очень даже многие желают, словом, в работу чистую, прибыльную и не пыльную.

А он, поди ж ты, – в электрики наметился.

Случилось так, что еще в детстве интерес к этому делу прорезался у Юрия серьезный, захвативший все его мальчишеское любопытство и воображение. Дело в том, что его отец – Максим Петрович Костромин – работал инженером на одном из заводов города Ростова и имел великое увлечение – устраивание световых феерий различного масштаба и назначения от дискотеки в школе сына, на которой подвешивался к потолку крутящийся шар, как и у всех, но зато только у них бегали по всему актовому залу разноцветные лучи, зажигавшиеся в различных точках в определенном ритме под музыку. И до участия в общегородском фестивале светового представления на фасадах зданий на День города и в иные праздники.

И был у отца гараж, давным-давно переоборудованный под мастерскую, машина за ненадобностью была продана лет десять назад. Там Максим Петрович проводил все выходные и праздники, занимаясь любимым хобби. Понятное дело, что мальчика своего Юру он начал приводить в мастерскую, как только тот пошел и начал что-то лопотать на своем детском языке.

А уж как мальчику интересно все было в той мастерской, и не передать! Ну еще бы! Пацан, а тут такое разгуляево для постижения мира и всякие штучки мужские! А отец терпеливо отвечал на все его бесконечные вопросы, не отнекивался. А как Юра постарше стал, так они уж вместе с отцом только что не жили в той мастерской, занятые какими-то проектами. Мама вздыхала и безнадежно махала рукой:

– Раньше только отец пропадал в гараже этом, теперь обоих оттуда не вытащишь!

Но особенно не расстраивалась, так, для порядка и остротки ворчала, а как мудрая женщина про себя тихо радовалась, что сын проводит столько времени с отцом и увлечен одним с ним делом. Между прочим, реально приносящим вполне достойный приработок в дом-семью, ой как прочувствованный в девяностых-то годах!

А когда Юра твердо решил стать инженером именно в этой области, то, пересмотрев справочник вузов, в которых имелся нужный ему факультет, выбрал именно столичный известный вуз, хотя и в самом Ростове был хороший институт.

Решил – и все!

И поступил без каких-либо проблем с первого же раза.

Юра вообще был деятельным, упертым в каких-то своих решениях, но и легко преодолевал трудности, оттого и учился хорошо и в охотку, и подрабатывать успевал все годы учебы, и в веселой общежитской жизни принимать участие, и амуриться с девушками не забывал, у которых, кстати, пользовался бо-о-ольшим успехом.

Ну, еще бы! Он парнишка мало того что видный – высокий, стройный, спортивный и привлекательный внешне, к тому же веселый, легкий, без заморочек, с замечательным чувством юмора и компанейский, да еще и всегда при деньгах, которые не жлобился тратить на девушек и веселье.

Родители деньгами помогали, но Юра и сам зарабатывал неплохо, подражаясь на различные работы. Хватало и на жизнь, и на погулять, особенно если учесть, что учился он в конце девяностых годов.

Заканчивая учебу, Костромин уже твердо решил, что получит еще одно образование – на факультете оптико-электронного оборудования. Вот приспичило, и чувствовал, что надо оно ему! Пригодится обязательно!

И вполне в его характере – решил, и все!

Посоветовался с родителями – второе-то высшее образование, оно платное, а он пока не топ-менеджер газпромowskiй, залежей денежных не имеет. Родители поддержали, вздохнули, правда, но поддержали, продали старенькую бабушкину дачку, которой особо не пользовались, но любили и сохраняли, берегли. А тут уж что поделаешь – надо сынку помочь, куда ж деваться.

Но деятельный сынок сидеть на их шее не собирался: поступил на второе образование и нашел работу инженера-электрика в одном из строительных трестов. Жил с работягами в общежитии черт знает где на окраине Москвы, поэтому чаще всего ночевал в строительном вагончике на объекте. Экономил деньги, квартиру не снимал, держал в голове, что родителям надо бы долг отдать – это он сам для себя так решил, они-то про долги какие-то думать не думали и такими категориями в отношении сына единственного любимого и не мыслили. А он уперся!

Да нормально! Чего там – молодой же, упертый, здоровый!

Прорвемся!

И прорвался! Где-то через год пригласили его работать по специальности в один из самых крупных строительно-монтажных холдингов страны и сразу дали высокую должность – место начальника отдела в одном из трестоправлений, входящих в состав холдинга. Что-то там в верхах у начальства произошло с этим его трудоустройством – вроде как умер его предшественник на этой должности, а предыдущее начальство Юрия в частном разговоре с нынешним упомянуло, что, мол, есть некий Костромин, очень толковый инженер, молодой, правда, но не пьющий и работоспособный, да к тому же перспективный и талантливый.

Как-то так звезды и начальники сошлись, но работу Юра получил, а с ней и достойную зарплату, и комнату в профильном общежитии.

Да, красота небывалая! Повезло!

Костромину вообще везло и с работой, и с коллегами, и с начальством, и с женщинами. Жизнь его баловала.

Например, подкинула она, жизнь то есть, ему знакомство с одним очень непростым пареньком – Владом Потаповым, носившим кличку Сивуч, вообще-то так называют северного морского льва, но кликуха ему шла, прижилась – высокий, крупный, но при этом быстрый и сильный. Главное же его достоинство для Юрия заключалось в том, что Влад был классным хакером, причем из разряда официальных, в том смысле, что работал на правительство. Что-то там засекреченное и правоохранительное, правда, из бывших «свободных художников», пойманных за хвост, но это его личная история, покрытая мраком тайны государственных органов.

Не суть.

Важно то, что у Юры давно засела в голове идея программного управления электросетями. Да не банального подключения-выключения и тому подобное «три притопа два прихлопа», что он давно уж освоил самостоятельно в процессе учебы, а по серьезному, «по-взрослому» – привязка всех схем и объектов на дистанционное управление, разработка специальных режимов, программ, сведение всех цепей в единую схему и так далее.

И Юра уговорил Влада обучать его на уровне профессионального хакера-программиста.

Около года Юра занимался в свободное время, которое можно было улучшить лишь глубокой ночью, а куда деваться, сам подписался на это дело, чего уж теперь!

Но Костромин добился того, чего хотел!

Теперь он имел в своем арсенале навыки первостатейного хакера и знания такого высокого уровня программирования, в которые не посвящал никого. А совсем незачем и ни к чему такую инфу о себе распространять – занимались они с Владом анонимно, с соблюдением некоторых конспиративных приемов: Сивучу тоже совсем не светило, чтобы его кто поймал на преподавании, могло и по затылку прилететь очень даже всерьез, особенно от его работодателей. Вот и тихарились оба.

Что, впрочем, не помешало Костромину совершенно наглым образом подать документы на прохождение экзаменов на получение сертификата и лицензии

специалиста международного уровня по «комплексному коммуникативному программированию и монтажу, управлению и мониторингу многоуровневых производственных систем электро- и оптоволоконных комплексов и объектов».

Звучит закрученно, а в простоте это считалось еще одним образованием, дававшим право официально заниматься любыми компьютерными разработками электронных и оптоволоконных систем, привязывать их к разным объектам. Это значительно облегчало ему основную работу, особенно в пункте, связанном с проверкой правильности протяжения электрики на сданных объектах.

подавая документы на получение сертификата, в пункте «учебное заведение», в котором получено образование по предмету, Юрий указал: самообучение экстерном. И эта откровенная наглость, как ни странно, проканала, его допустили до экзаменов, которые Костромин благополучно сдал, прошел специальную комиссию и получил заветный диплом и сертификат специалиста в данной области.

Таким вот образом к двадцати шести годам Костромин получил второе высшее образование по оптико-волоконным системам и получил диплом коммуникационного специалиста-компьютерщика.

И как попер по карьерной лестнице... не догонишь!

Начальство его любило и ценило. Да и было за что, если честно – упорный, работоспособный, не по годам серьезный в работе и ответственный, инициативный специалист, каких поискать и не найдешь, надежный и умный, очень умный мужик. Да к тому же обладавший редкими качествами – первое: не карьерист, в мышинных забегах и интригах за теплое место для пятой точки никогда не участвовал, делом занимался вместо этого, и второе: не пьющий. То есть совсем не пьющий.

Ну, это качество Костромину по наследству от отца досталось.

Батя рассказывал ему, а потом не раз вспоминал, как в молодости, будучи студентом, однажды напился на пикнике в лесу. Да и напился-то громко сказано – хватило четырех рюмок водки, то есть около ста пятидесяти – двухсот грамм, чтобы он отключился. Как товарищи ему потом говорили: махнул за четвертый тост, улыбнулся и лег под деревцем, свернувшись калачиком – и все!

Как не будили – бесполезняк! Пришлось приятелям его на руках до автобусной остановки тащить, а потом и домой доставлять.

И вот проснулся он поутру и, еще не открыв глаза, понял, что попал в чистилище! Или уже в ад! У него болело все! Страшно болело, жутко! Все кости болели, к телу вообще притрагиваться было невозможно – любое движение, любое прикосновение отдавалось такой жуткой болью, что он балансировал на грани потери сознания.

И жажда! Такая, что он и не подозревал, что так может быть вообще – вот-вот – адская, это точно! Поджаривали рогатые, верняк!

Тогда родители его два дня спасали – отпаивали какими-то отварами, клюквенным морсом, ничего другого ни есть, ни пить он не мог. На третий день кое-как встал с кровати, чувствуя себя полуразвалившимся стариком.

К врачам ходил, а как же! Думал же, что болезнь какая страшная с ним приключилась, а оказалось, нет, не болезнь, а вот такая у его организма индивидуальная непереносимость алкоголя.

С тех пор и не пил. Не то, чтобы совсем уж в сухой завязке. По праздникам, на дни рождения, когда за столом собирались, Максим Петрович две малипусенькие рюмочки коньяку пропускал, в общей сложности грамм пятьдесят, чокаясь с гостями и под серьезную закуску.

Все, это норма для него. Ничего иного с алкогольной составляющей не принимал никогда.

Вот и Юрий в отца пошел – непереносимость спиртного. Да он и не любил, даже запах алкоголя его отвращал, что, впрочем, не мешало ему участвовать во всех студенческих загулах и веселиться наравне с хмелеющими товарищами.

Вы когда-нибудь были на крутой студенческой пьянке? Нет? Да?

Так вот, как правило, после первой же рюмки всем становится по барабану, кто что и сколько пьет, народ занят общим весельем, шутками-прибаутками, хохотом, заигрыванием, флиртом и прочим.

Практически до самого пятого курса никто из одногруппников и друзей по общаге и не подозревал, что Костромин не пьет, а он и не распространялся о такой особенности, да и зачем? Объяснять кому-то? Выяснившийся факт показался открытием вселенского масштаба – как это? Да ладно, да не может быть! Юрик, ты ж с нами всегда...

А он и всегда. Первую рюмку делал вид, что пьет, переставлял соседу по столу, а потом наливал себе воды. Никто и не замечал, а для куражу ему напиться не требовалось, он и так веселился от души и участие принимал во всех идиотских мероприятиях пьяных товарищей и... и спасал их не раз, и вовремя выдергивал смываться при необходимости, и тащил на себе в общагу, и прикрывал от последствий, и лечить страждущих с бодуна приходилось ему же.

Но! Эта его особенность однажды даже сыграла Костромину на руку в работе.

Наверное, никому не надо объяснять, что такое сплоченный мужской коллектив строителей. Эдаких мужиков, заматеревших в этом деле. Нет? Не надо объяснять? Вот и ему не требовалось – он уж посмотрелся, когда подрабатывал во время учебы, первая запись в трудовой книжке появилась у него в семнадцать лет: «разнорабочий» в строительно-монтажном тресте.

Так вот, вышел Юра на работу в первый день – начальник начальником, в костюмчике, только касочка красная на голове, мальчонка двадцати двух годов, а, на минуточку, две тысячи первый год – разруха во всем, только-только выколупываться страна из кое-чего сильно пахнущего начинала, а в строительном деле ситуация такая, что слов приличных не подобрать. И мужики в его подчинении не гастарбайтеры какие, а все как на подбор зубры местные, в возрасте от тридцати пяти и выше. Можно представить их отношение к мальчонке: только-только со студенческой скамьи – и руководить ими взялся!

Да сейчас-с-с!

Ну и понеслись проверки на слабо со всеми вытекающими провокациями и саботажем. Костромин не зря уж пять лет по стройкам оттарабанил, в психологии таких вот работяг разбирался, и в том, на что они способны, тоже, и отпор давал соответствующий. Кому и в рожу от него прилетело, кого уволил к той самой матери, кого и в каталажку отправил за особо лютый саботаж с последствиями. Но авторитет свой, который довольно быстро умудрился

завоевать у пролетариата хитроватого, закрепил окончательно и бесповоротно после одного случая.

Накануне ноябрьских праздников в обед мужики-строители сели кружком за стол и выставили водочку под закуску, считай, уж точно никто вечером работать не станет, без вариантов. Хорошо хоть день отстояли под сорванный от матов и крика голос Костромина. Ну и позвали они начальника молодого с ними-то разделить застолье предпраздничное, выказали уважение достойное.

Костромин на зов подошел, посмотрел на разложенную на газетках немудреную снедь, на мужиков, добреющих в предчувствии принятия водочки, и, тяжело вздохнув, признался с некой грустинкой в тоне, специально наигранной:

– Не, мужики, нельзя мне, – и выдохнул тяжело.

– А что так, Максимыч? – участливо поинтересовался бригадир. – Болен, что ли, иль закодировался?

– Вот именно, – кивнул Костромин.

– Да ты чё! – посочувствовал и не поверил бригадир. – Такой молодой, и уже того... – Он щелкнул пальцем по горлу известным жестом и уточнил: – Нельзя?

– Нельзя, – подтвердил грустно Юра и посмотрел с наигранной тоской на бутылку водяры на столе.

– Ну, ты даешь! – восхитился один из мужиков. – Чё, заливал всерьез? Без базара кодернулся?

– Так я ж на стройках с семнадцати лет, – снова прямо не ответив, пояснил он. – Подрабатывал, пока в институте учился. Сами понимаете, – и еще разок, закрепив успех, вздохнул тягостно.

– Ну, дыть... – выказал общее сочувствие бригадир, несколько даже смутившись.

– Да-а-а, – протянул с большим уважением один из работяг, с особым сочувствием глядя на Костромина. – Видать, поколотила тебя жизнь, паря.

Юрий пожелал работягам приятного аппетита, дежурно-начальственно напомнил не засиживаться и не злоупотреблять до недоразумений, попрощался и ушел.

С тех пор мужики бывалые проявляли к нему немалое уважение, особый респект молодому начальнику.

А стройки в любом городе – это закрытое сообщество, где бригады, прорабы и тресты управления мигрируют от одного заказчика к другому, от одного подрядчика к третьему, и слухи в них распространяются так же быстро, как у медитирующих на скамейках под домом бабулек.

Таким вот образом за Костроминым и закрепилась слава бывшего крутого паренька-начальника, который про рабочих и их нужды все знает-понимает, и начальник справедливый да толковый, хоть и суров и осерчать может, и даже врезать если что, но за дело, да к тому же и сам лихоманки-жизни хлебнувший не по годам. Почитай, с детства на стройках вкалывал, аж здоровье потерял.

И с этой вот славой он и покатил дальше возводить свою карьеру.

А она росла, уж поверьте!

К тридцати одному году Костромин стал заместителем начальника одного из стройуправлений, входивших в тот самый главный холдинг. Их отделение занималось в основном строительством под ключ загородных коттеджей и домов в элитных поселках по всему Подмоскovie и дальше по ближним к Москве областям.

Интересная должность и дело интересное, да только мотаться приходилось, как Ивану-царевичу на Сером Волке, посланному царем дурковатым за разными диковинами туда-сюда. А куда деваться? Такая вот работа.

Как-то пришел Костромин в одно крупное архитектурное объединение, с которым его фирма плотно сотрудничала. Ему требовалось встретиться с хозяином агентства, он же его генеральный директор в одном лице, по одному хлопотному и малоприятному делу – архитекторы сделали проект особняка для весьма известного и очень, ну очень медийного господина, но электропроводку в

нем наметили настолько забубенную и бестолковую, что ее реально невозможно и даже опасно было делать по намеченному плану.

Заказчик же, ни ухом ни рылом не понимавший в строительстве и проектировании, и уж тем паче в электросетях, подмахнул проект, как говорится, «не глядя», когда ему показали, как это все шоколадно будет выглядеть в конечном исполнении на трехмерном макете в компьютерной графике, а как дошло до строительства, тут и поперли огрехи на каждом шагу.

Гондаров, хозяин того самого архитектурного объединения, матерился до небес, когда они разговаривали по телефону:

– Да я этого Федорова турну к такой-то матери!! – бушевал он. – Нет, ты представляешь, мне его рекомендовали как талантливого специалиста, да еще протезировали непростые люди, мои же заказчики и партнеры! Я работы его посмотрел, очень даже достойно, крепко сделано, ну и взял. А тут выяснилось, что он идиот мажорный, институт отсидел за деньги папаши для престижа, мол, я крутой, не менеджер вам какой, а гляди ты: архитектор, мать его разтак!! Папаня-то за него сам просить не стал, понимал, что я досконально проверю, уж больно много про этого деятеля знаю, не поверю, что сынок умным вырос. Но у парня любовница-покровительница нашлась такая, что даже папаша с ней на «вы» и шепотом, вот она и попросила за пацана настойчиво. А работы они мне подсунули его одноклассника, талантливого мальчишки с периферии, который тут тыкается-мыкается в Москве, пытаюсь найти работу. Они б еще из этого дурня медика сделали, вот повезло бы нашей медицине!! Я когда его на первый проект поставил, ему все работы тот самый пацан и сделал, а я что, это проверить мог как-то?! Посмотрел – классно сделано! А тут одноклассник-то сплеховал: половину этого проекта рассчитал-расчертил, потом заболел и в больницу угодил. Так этот придурок сам проект и закончил! Я когда узнал, Юр, веришь, думал придушу крысеныша, а его папашу вообще засажу, есть у меня на него много чего, так меня прорвало от этих новостей! А потом поутих и вздохнул, признаваясь, что пригодится еще папаша-то идиота. Ну, а самого на куски порву! Не поленюсь, самолично обзвоню всех коллег, предупрежу. Или вон Зинаиду попрошу, у нее лучше получится, – и тут вспомнил что-то и взревел от досады. Ах да! Еще и эта напасть на меня!

– Какая? – усмехнулся пылкости возмущения Костромин.

– Да Зинаида моя заболела! И серьезно. Пришлось в клинику класть, оперировать будут, и сколько она после этой канители восстанавливаться станет – кто знает! А у меня тут бюро без нее пропадай! Давайте закроемся!

Зинаидой Кузьминичной звали секретаршу Гондарова, даму неопределенного уже, после сорока лет, возраста, архитектора по образованию и воистину гениального делопроизводителя, которая работала с Антоном со дня основания фирмы.

Он берег ее, как страна свой Алмазный фонд, и считал практически членом семьи и чем-то вроде Родины-матери на работе. Она настолько находилась на своем месте, что представить кого-либо иного на нем было невозможно, даже умозрительно. Зинаида «фильтровала» проекты, прошения, посещения, отсеивая все вздорное, рвавшееся через ее приемную к любимому начальнику с удивительным чутьем, жесткостью и точностью. Вот сто пудов, если бы она была на месте, проект слажавшего дебила не прошел бы дальше мусорной корзины у ее стола.

– Да ладно, – поддержал шефа Юра. – Обойдется. Как-нибудь перетерпите без нее.

– Не зна-а-аю, – протянул задумчиво Гондаров, продолжая делиться переживаниями: – Ты не представляешь, какие мне кадры присылают из агентства ей на замену! Двух девуль уже турнул так, что только ягодицы по коридорам сверкали, когда они ноги уносили. Сегодня вон третью прислали. И я не понимаю: вроде же агентство солидное, серьезное, я четко изложил, что мне требуется, а они мне «постельный» вариант отправляют. Как сглазил прям кто. А... – от досады протянул он и вернулся к предмету их беседы просительным тоном, присовокупив к имени Костромина отчество для убедительности: – Так ты, Юрий Максимович, давай сам посмотришь и по-быстрому толково все исправишь, как ты умеешь. А? Понимаю, что тебе не по статусу, да только кто ж кроме тебя с этим влет справится? А нам шустро надо, ты ж понимаешь! Я в долгу не останусь, ты знаешь.

– Да, знаю, Антон Михайлович, – вздохнул в ответ тяжело Костромин и поспешил успокоить: – Ну, давай я к часикам трем подъеду и вместе посмотрим, что можно сделать. Сам понимаешь, короб выведен, а это полная... Но варианты есть, я уж прикидывал.

– Вот за это тебе спасибо великое! – обрадовался Гондаров и поспешил закончить разговор: – Давай. Жду.

Вот по такому неприятному, но, увы, иногда случавшемуся в строительстве форс-мажору и прибыл Костромин в известное архитектурное агентство.

Распахнув дверь в приемную, он в самый последний момент успел остановиться, чтобы не налететь со всего разгона на большую коробку с логотипом крупной фирмы-производителя канцтоваров, стоявшую прямо на входе в комнату.

Ругнулся сквозь зубы – и какого, спрашивается, она тут стоит, а? И, обойдя препятствие, вошел в приемную и замер от открывшейся его взору картины!

Вполне себе волнующей, надо сказать, картины!

На лежавшей на полу специальной папке для чертежей больших форматов стояла на коленях девушка, вернее, самой девушки было не видно, зато очень, ну очень хорошо и в самом наилучшем ракурсе для мужского богатого воображения вырисовывался ее замечательный, такой прямо... ум! задик, плотненько обтянутый так называемой юбкой-карандаш, прелестные ножки из-под нее, заканчивающиеся острыми каблучками модельных туфелек.

Картинка, что и сказать, – на загляденье! Красота! Девушка, понятное дело, не просто так себе стояла на коленях, а с конкретной целью: практически забравшись под стол, она доставала улетевшие туда бумаги.

Костромин постоял, полюбовался тылом незнакомки и решил, что не мешало бы и фасад увидеть. Он подошел к ней сбоку, присел на корточки и обратился к занятой делом барышне:

– Здравствуйте!

– Ой-й-й-й, – ответила девушка.

И произнесла она это странно: не ойкнула-пискнула от неожиданности и испуга, а как-то протянула таким тоном, словно ее застукали за чем-то запрещенным, но вполне невинным, например, за тайным поеданием варенья, которое специально

спрятали до праздничного стола, и она как бы извиняется, заранее зная, что простят и особо журить не станут. Да и вообще не дернулась, не перепугалась и не засуетилась, что следовало ожидать в такой ситуации, а замерла с протянутой за бумагами рукой и, повернув голову, посмотрела на него.

– Здравьсь-сь-сьте, – произнесла она медленно, так же медленно кивнула и, продолжая стоять на коленях, вдруг перевела руку в его сторону и протянула для рукопожатия.

Костромин подивился, но ладошку ее принял.

– Варя, – представилась девушка и спохватилась: – В смысле: Варвара. Варвара Добродеева.

А для Костомина вдруг остановилось время, замерло сердце, охнув в груди, – он задержал ее руку в своей ладони, сжал чуть покрепче, словно боялся, что она ее сейчас заберет, и не мог отвести взгляда от лица девушки.

У нее было абсолютно русское лицо, эдакое этнически однозначное в современном представлении русского облика – не совсем чтобы круглое, но и не строгий овал, очень белокожее с легким румянцем на щечках, с чуть вздернутым курносым, но тонким носиком, с потрясающими пухлыми губками и круглым подбородочком, с бровками, как два изогнутых лука, с высоким лбом. И конечно же, светло-русые волосы, собранные в замысловатый пучок на затылке с небольшими кучерявящимися локонами на висках и на лбу.

Это все прекрасно и необычайно мило, но ее глаза!!

Он обалдел, когда заглянул в ее глаза!

Большие, какие-то блюдца прямо, а не глаза, светло-зеленые, цвета молодой весенней травы, с такими веселыми чертиками природного задора и жизнерадостности, скачущими в них, и чудными, непонятными отсветами огоньков, словно две лампадки горят где-то в их глубине.

Он смотрел прямо ей в глаза и не мог оторваться.

И тут она сама сжала его ладонь посильней и, придерживаясь за его руку, передвинулась, села на пол и улыбнулась...

У Костромина от этой ее улыбки горло перехватило и сердце, очнувшись от обморока, бухнуло внутри – на щеках у девушки появились две потрясающие ямочки, а выражение лица стало совсем уж юным и веселым.

«Господи! – расстроился моментально Юрий. – Сколько же ей лет-то? Шестнадцать, что ли?»

– Конфуз вышел, правда? – спросила девушка и вдруг задорно, звонко рассмеялась. – Я пришла на собеседование с самым генеральным директором! – принялась объяснять она весело. – Боялась, прямо жуть! Испереживалась, готовилась, – она осторожно вытащила свою ладонь из его руки и, доверительно наклонившись поближе, поделилась: – Ночь не могла спать, так волновалась. – Отстранилась и снова легко рассмеялась – А тут эта глупая коробка! Я на нее налетела, сама как-то удержалась на месте, прямо «как лист перед травой» замерла, а папку выронила, пока руками махала, ловя равновесие, ну и разлетелось все. – И вдруг спросила: – А вы на коробку не налетели? – И посмотрела на него вопросительно.

Костромин продолжал рассматривать ее и вдруг сообразил, что она его о чем-то спросила, и... и как-то вернулся в реальность – сердце забухало недовольно, отчитывая за заморочки странные, мысль выстроилась в рабочее состояние, а действительность потекла дальше своим ходом.

– Что? – переспросил он девушку.

– Я говорю, вы вот не споткнулись о коробку. Я не слышала, – повторила она вопрос.

– У меня хорошая реакция, – улыбнулся он ей и спросил: – Сколько вам лет?

– Двадцать два, – четко ответила девушка Варвара Добродеева, как отрапортовала прапорщику на плацу, и снова задорно рассмеялась: – Меня часто про возраст спрашивают! Я без паспорта и не хожу, так получилось, что выгляжу как школьница.

– Двадцать два – это очень хорошо, – серьезным тоном заверил он ее, а потом улыбнулся и предложил: – Давайте-ка я вам помогу собрать все это.

В этот момент за его спиной раздался легкий скрип открываемой двери, звук удара, мат раскатистым мужским баском, за которым последовал неласковый вопрос, грозным тоном:

– Что тут за хрень?!

– Да вот, – повернув голову на голос, весело ответил Костромин хозяину данного учреждения, вошедшего в свою приемную из коридора и, так же как они с барышней до него, столкнувшегося в буквальном смысле с коробкой с канцеляркой на пороге, – девушка пришла к тебе на собеседование, Антон Михайлович, но встретилась с препятствием в виде коробки и рассыпала свои работы. Собираем.

– Да? – поутих в возмущении Гондаров, подошел к столу поближе и уточнил: – А я назначал собеседование?

– Назначали, – вывернув неудобно голову, чтобы видеть его, уверила Варвара.

– Точно, назначал, – вспомнив, удивленно посмотрел он на девушку и снизошел: – Ну, тогда надо посмотреть, что у вас там.

Нагнувшись, всмотрелся в какой-то лист на полу у его ноги и вдруг поддернул штанины вверх, присел рядом с Костроминым на корточки.

– Ну-ка, ну-ка, а это что такое? – совсем другим, заинтересованным тоном произнес Антон Михайлович, поднял лист с пола и принялся внимательно его рассматривать.

– Это эскиз законченного объекта, – пояснила Варвара Добродеева.

– Да вижу, что эскиз, а полное изображение есть? – поинтересовался Гондаров.

– Конечно! – уверила девушка, огляделась, поперекладывала листы на полу, встала на корточки, дотянулась до одного из них, улетевшего под спинку

секретарского стола, достала и, снова сев на пол, протянула: – Вот!

Дверь скрипнула, послышался очередной звук удара, крепкое словцо, сказанное женским голосом, после чего пострадавшая с жарким любопытством свидетельницы преступления поинтересовалась:

– А что у вас здесь происходит?

Гондаров и Костромин переглянулись, поднялись, повернулись и на пару посмотрели на появившуюся на пороге девицу в мини-юбке и на огромных каблуках, тарасившуюся на них с нескрываемым интересом.

– А что происходит? – беспечным тоном повторил вопрос Гондаров и, наигранно ища поддержки в лице Костромина, посмотрел на него с удивлением и продолжил: – По-моему, все в порядке: телефон разрывается от звонков, на пороге стоит коробка с канцелярией, посетители ползают по полу, а секретаря нет!

– Ой! – пискнула девица, только тут оценив происходящее, и принялась активно оправдываться: – Я ж только на минутку! Вы ж сами сказали, Антон Михайлович: никаких личных разговоров по телефону в приемной, вот я и вышла. А курьер меня прямо возле двери остановил, спрашивает: куда коробку поставить, я и сказала, куда хочешь, вот он и поставил...

– Синеокова, – перебил ее уставшим тоном начальник и тяжело вздохнул: – А кроме экзотической русской фамилии у вас что-нибудь выдающееся еще имеется? Ну, там профессионализм и навыки работы секретарем, хоть какая-то ответственность? Заметьте, про трепет перед начальством и опасение вылететь к чертовой матери с волчьим билетом с работы я уже и не говорю.

– С каким таким билетом? – искренне недоумевая, переспросила девица.

– Беда-а-а, – протянул Гондаров и пожаловался Юре: – И так вот уже неделю, представляешь? Где они их только берут таких?

– Ну, не все так страшно, – не очень убедительно попытался посочувствовать Костромин.

– Так и что мне делать? – встряла в их беседу девушка с чудной фамилией Синеокова.

– Берите свою сумочку и идите, – махнул рукой Гондаров.

– Куда? – не поняла она посылы.

– Ой. – Начальник в который раз тяжело вздохнул и предупредил: – Иди уже. А то я точно тебе сейчас скажу, куда и как! Да еще ускорения придам!

На этот раз по его тону и выражению лица девица поняла все правильно, лишних вопросов задавать не стала и так бочком-бочком обошла стоявших на ее пути мужчин, подобралась к столу, достала из ящика свою сумочку и тем же макаром осторожненько пробралась к двери, пискнув на прощание:

– До свидания!

Получив в ответ горячее пожелание теперь уже бывшего нанимателя: «Да боже меня упаси!», шустрой змейкой просочилась за дверь.

– Нет, я с ума сойду от этих идиоток! – взревел Гондаров, жалуясь Юрию как родному. – Эта уже третья, представляешь? Я на эту фирму по кадрам такую телегу накатаю, я их ославлю на всю Москву! И что мне делать? Я ж без Зинаиды пропаду тут окончательно, а она еще пару месяцев точно работать не сможет! Где я нормальную секретаршу найду?

– Кхм-кхм, – раздавалось тактично-осторожное покашливание за спинами у мужчин.

Они одновременно развернулись – сегодня у них как-то все получалось в унисон, день, видимо, такой выдался. Особенный.

Варвара Добродеева за то время, пока шли тут «проводы» очередной девицы и сетования на жизнь генерального директора, успела собрать и сложить в папку все рассыпавшиеся листы и стояла прилежной пятиклассницей: ножки вместе ступня к ступне, папочка прижата к боку, сумочка на тонком ремешочке на плече и, робко прокашляв, напомнила взрослым о своем присутствии.

– Я могла бы попросить помочь вам Ангелину Степановну. Она хорошая знакомая моей мамы, – предложила девушка сосредоточенно и тут же, не выдержав, задорно улыбнулась: – Правда, ей за пятьдесят и у нее нет модельной внешности. Но она много лет проработала секретарем-референтом начальника одного крупного завода федерального значения и ушла только потому, что старый начальник умер, а новый оказался самодур. Если вы не самодур, то она вам поможет, Антон Михайлович, – и посмотрела на него, весело улыбаясь.

– Я не самодур. Вот честное слово, – на полном серьезе уверил ее Гондаров и даже руку на сердце положил особым клятвенным жестом.

– Тогда я могу ей объяснить вашу ситуацию, – продолжала улыбаться ему Варвара и уточнила: – Когда вам надо?

– Неделю назад! – тем же серьезным тоном уведомил Гондаров.

– Хорошо! – рассмеялась девушка. – Я ей позвоню и попрошу приехать, если она свободна. – И доверительным тоном сообщила: – Думаю, она согласится. Она энергичная, полная сил и очень деятельная женщина, и ей скучно без работы. Может, я сейчас покажу свои работы, вы меня поспрашиваете что надо, а потом я и позвоню. Или как?

– Или как, – включил начальника Антон Михайлович и распорядился: – Мы вот с Юрием Максимовичем сами посмотрим ваши работы, а вы тем временем позвоните и переговорите со своей знакомой. Я отправлю за ней машину.

– Хорошо, – кивнула девушка, протянула ему свою большую папку и заметила: – Только машину, наверное, не стоит, если она вам срочно нужна. На метро быстрее будет.

– Да хоть в ступе, только как можно скорей! – потребовал Гондаров.

– Я не спрашивала, конечно, это было бы невежливо, – очень серьезно заявила барышня, – но подозреваю, что в ступе она тоже может.

И рассмеялась.

Девочка осталась в приемной вызывать знакомую, а Костромин с Гондаровым в его начальственном кабинете стояли перед большим кульманом и молча рассматривали предоставленный проект.

– Ну, что скажешь? – спросил Гондаров у Костромина.

– Я не архитектор, Антон Михайлович, но мне кажется, что очень толково, – осторожно высказал свое мнение Юрий.

– Толково, – кивнул, соглашаясь, Гондаров. – И весьма достойно. Очень даже достойно, – продолжая рассматривать работу, задумчиво делился он мнением. – Добротнo и талантливо сделано. Только я на месте девочки, – он взял в руку лист с рисунком готового объекта, – занялся бы вплотную графикой и даже гравюрой. У нее дар. Талант определенно. Это точно.

– Ты ее возьмешь? – поинтересовался Костромин.

Гондаров в очередной раз тяжело вздохнул, поставил рисунок на пюпитр к остальным листам, повернулся к Юрию и разъяснил реалии:

– У меня образовалось одно вакантное место в штате. Как и положено в таких случаях, мы уведомили об этом Центр занятости. Заявка не провисела у них на сайте и двух часов, набралось больше сорока соискателей. Мои помощники просмотрели всех и отобрали двенадцать человек, с которыми собеседование проводил уже я. Эта Добродеева последняя, двенадцатая. Три парня очень хороши, перспективные, еще одна девчушка ничего, два парня так, на четверочку, но работать смогут. Остальные ерунда. Добродеева эта молодец, сильная девочка, талантливая. – И он снова выдал коронный на сегодня тяжкий вздох. – Но возьму я на это место одного мальчонку, ничего особенного собой не представляющего как специалист, который никогда не станет даже простым крепким архитектором, зато имеющего связи, которые его рекомендовали весьма настойчиво. Возьму, бог с ним, будет на чертежной должности, но с инженерным окладом. А ребятки эти, в том числе и симпатичная девочка Добродеева, талантливые, но «с улицы», пролетают. Вот такая правда жизни.

– Но это же твое предприятие и ты тут начальник, – напомнил мягко Костромин. – Что бы тебе не делать так, как необходимо именно тебе, а не рекомендаторам всяким и просителям.

– А связи-знакомства? – напомнил тот реалии бизнеса. – Ты – мне, я – тебе? А нужные люди?

– Да и наплевать, – махнул рукой Костромин и предложил: – Возьми девочку, раз талантливая.

– Понравилась? – усмехнулся Гондаров.

– Я на ней женюсь, – весело, но без намека на шутку, уверил его Костромин. И они вошли в приемную.

Знакомая Варвары Добродеевой Ангелина Степановна поработать пару месяцев согласилась. Варвара передала трубку телефона Гондарову, и тот самолично договорился с женщиной, что его водитель ее заберет у выхода из метро и доставит в офис. Сама же Варвара ответила на все вопросы Антона Максимовича по предоставленному ему проекту и прошла собеседование, после чего он официально уведомил, что берет ее на работу, велел приходить завтра с утра в отдел кадров оформляться и выписал одноразовый пропуск.

Повеселевший, теперь уже ее непосредственный начальник вернулся в свой кабинет, а Костромин задержался в приемной.

– Вот это да-а-а! – поделилась с ним восхищением Варвара, приложив ладошки к полыхнувшему алым румянцем от переживаний щечкам и сверкая большими веселыми глазищами, в которых разгорелись празднично два огонечка. – Он меня взял!! Я даже не рассчитывала! Знаете, сколько народу на это место собеседования проходило! Ужас! А он меня взял! Это же ура какое-то!

– Вот что, Варвара, – рассмеялся ее восторженности Костромин. – Мне надо тут поработать с Антоном Михайловичем, но, думаю, часа через два я освобожусь. Вы дайте-ка мне номер своего телефона. Как освобожусь, так и позвоню, и мы с вами договоримся где встретиться.

– Зачем встретиться? – все еще пребывая в восхищенном трансе от неожиданного трудоустройства, спросила она.

– Поужинаем где-нибудь, – разъяснил Костромин. – И поговорим.

– О чем? – все тормозила девушка.

– Ну, хотя бы о том, как в ближайшие выходные вы пригласите меня к себе домой знакомиться с вашими родителями, – ровным тоном уведомил он.

– С моими родителями? – хлопнув ресницами, посмотрела она на него зелеными глазищами-блюдцами, ставшими от удивления, казалось, еще больше. – Зачем?

– Ну, для чего знакомятся с родителями? – усмехнулся он. – Свататься.

Станным образом воспоминания накатывали на Костромина теплой приливной волной, и он плыл в них, нежась в былом счастье и отогреваясь душой. И так же внезапно они исчезали, и он оставался на темном бесприютном берегу, выброшенный из своего родного жизненного пространства глупой одинокой рыбой, позарившейся на призрачную приманку, и бился в последних судорожных конвульсиях всем своим серебристым скользким телом, пытаясь спастись и вновь попасть туда – в недостижимый океан, в родной дом, в свою жизнь...

Он поднимался с кровати совершенно опустошенный после таких вот приступов воспоминаний, чувствуя себя разбитым и потерянным, но все же с согревающей сердце надеждой, что, может, уже завтра или послезавтра, снова придут к нему эти спасительные живые воспоминания об утерянном счастье.

Как правило, было где-то около пяти часов утра, и он отправлялся бегать. Рядом с домом, в котором Юрий теперь жил, находился большой сквер, в котором имелись хорошая гравийная дорожка для бега и площадка с тренажерами. Костромин обзавелся привычкой бегать, наверное, убегая от себя самого, и заниматься на тренажерах.

Никогда спортом серьезно не занимался, так, в школе больше баловался разными единоборствами модными, плавал в бассейне много, а когда в институт поступил, так даже зарядку банальную не делал, ему «спорта» на работе хватало выше головы – побегай-ка по лестницам и этажам бесконечным, да с оборудованием на плече и мотками кабелей! А уж когда начальством заделался, так и вовсе про спорт не вспоминал, при его-то загруженности. А тут вот пристрастился и находил в этом занятии отдушину, нагружал себя всерьез, не

сдерживаясь, и постанывал, и кряхтел, пользуясь полным отсутствием людей в сквере в столь ранний час.

Он вообще открыл для себя много нового, например, особое состояние души и природы в такое раннее время, особое настроение и энергию города и запах свежесваренного, настоящего кофе в круглосуточной дорогой кофейне, в которую он заезжал к шести часам утра перед работой, и то, насколько больше и качественней он успевает сделать и насколько более продуктивно, легче и приятнее ему работается и как нравится ему, что он один, вокруг нет людей, суеты и будничного шума.

Варваре стала сниться их прошлая счастливая жизнь.

В безрадостной черной полосе, которая наступила у нее после Беды, как она про себя называла тот роковой момент, после которого все изменилось и сломалось, эти сны пришли к ней очень скоро, наверное, через неделю, и стали спасением душевным, чем-то обезболивающим на какое-то время. Они удивляли странностью в своей светлой, солнечной радости и почти тщательной подробностью, передавая даже настроения, запахи, цвета того уплывшего счастливого прошлого. И почему-то всегда в них сияло солнце и было высокое-высокое чистое голубое небо.

И она плыла в них, словно в теплом океане любви, баюкающем тебя в своих ладонях, а затем неожиданно просыпалась посреди сна и чувствовала, как катятся по лицу слезы. И она хваталась мысленно за то, что видела только что во сне, удерживала его и, не открывая глаз, продолжала те воспоминания, что начались там, стараясь их продлить...

Они странно и смешно встретились.

Она ползала по полу приемной и собирала рассыпавшиеся из папки листы, торопилась, потому что не хотела, чтобы ее кто-нибудь застукал в таком неприглядном виде, и ужасно расстраивалась такому глупому конфузу.

И тут кто-то присел рядом с ней на корточки и поздоровался. У Варвары чуть сердце из груди не выскочило от неожиданности, она перепугалась, что ее таки застукал тот самый грозный Гондаров, о котором так много ей успели наговорить те, кто уже прошел у него собеседование.

Но это оказался не хозяин фирмы, а какой-то совсем другой мужчина, и она почему-то протянула ему руку для знакомства, даже не задумываясь над всей неуместностью этого жеста в приложении к той позе, в которой находилась. А когда он взял ее ладонь, Варвара почувствовала, как ее стукнуло током!

Не тем шибящим и болезненным, а колким, острым, но отчего-то невероятно теплым, приятным – прямо волной от ладошки вверх по руке, через плечо в голову и обратной волной по всему телу до пяток...

Она посмотрела на мужчину удивленно и замерла внутренне на миг, совершенно ошеломленная.

Он показался ей настолько знакомым, родным каким-то, своим, а потом догнало еще одно странное чувство: то, что он вот так сидит с ней рядом и держит за руку, это настолько правильно и естественно, что иначе просто и не должно быть.

У него было молодое лицо, но некая аура, энергия уверенности, которую он излучал, делала его старше, солидней. Стройный, даже можно сказать худощавый, но какой-то спортивный, что ли, высокий, обычная внешность, темно-русые волосы, хорошая стильная стрижка, высокий лоб, прямой нос, прямые, как две черты, брови, твердый подбородок и полные красивые губы, приятная, располагающая улыбка. И светло-карие глаза с темно-зелеными крапушками, очень умные и веселые такие глаза.

А потом все как-то быстро-быстро завертелось – пришел сам Гондаров, и Варвара поспешила собрать свой проект с пола. И отчего-то неожиданно почувствовала себя брошенной и незащищенной, когда этот, все же незнакомый ей Юрий Максимович прошел в кабинет впереди радушного хозяина, пропустившего его приглашающим уважительным жестом.

Но очень скоро снова все переменилось, и произошло новое действие, когда и ее пригласили в кабинет, и она отвечала на вопросы Гондарова, и все скашивала

взгляд в сторону этого Костромина, сидевшего чуть в стороне на стуле, чувствуя его присутствие, будоражащее и волнующее.

А потом он сказал про сватовство!

А она отчего-то не стала возражать.

Вечером того же дня они не встретились: Юрий Максимович позвонил ей и извинился, посетовав, что у него на каком-то объекте случился форс – как водится на всяких объектах – мажор. Варвара даже мысленно выдохнула облегченно, потому что все часы после расставания с ним чувствовала два взаимоисключающих чувства одновременно – горячее нетерпеливое желание увидеть его снова как можно скорей, оказаться рядом, заглянуть в его веселые карие глаза, чтобы он взял ее за руку и, возможно, по ней еще раз пробежит та самая теплая волна тока; и желание остановиться, отстраниться внутренне, успокоиться и осмыслить, что с ней такое происходит странное до невозможности!

Ну, вот он и дал ей это время!

И она от нетерпеливого ожидания встречи разбила любимую чашку отца! Так была сосредоточена на своих мыслях об этом мужчине, вся по маковку погрузившись в них, не замечая ничего вокруг, что задела ее, когда ставила чайник.

– Влюбилась, – констатировал папа, глядя на осколки любимой чашки на полу.

– Точно, – поддержала его версию мама, подойдя и встав рядом с мужем.

– Влюбилась! – весело призналась Варвара, присоединившись к родителям в созерцании остатков любимой отцовской чашки.

Они постояли втроем над трупиком чашки, в шутливом молчаливом созерцании – они всегда поддерживали друг друга во всякого рода розыгрышах, ироничных сценках и юморных экспромтах, подхватывая на лету замысел или начатую фразу. Ну так вот у них в семье было. Вот и сейчас разыграли сценку «размышления над чашкой» с подачи отца.

– Так! – распорядился папа, глянув на дочь. – Лидуша, доставай «дублера», – имелась в виду запасная чашка, таких же поллитровых размеров. – Ставим чайник, пьем чай, и ты все рассказываешь!

И она рассказала. Про коробку с канцтоварами, про ползание на полу и про гипотетическое обещанное сватовство.

– Значит, ты его первый раз в жизни видела? – уточнял папа. – А он тебя?

– Ага! – бодро и весело признавалась Варвара, прихлебывая чаек.

– И вот так сразу и свататься? – продолжил Леонид Николаевич.

– Сразу, – кивнула она довольно.

– Ну, веди, посмотрим, что ж толковать без дела, – принял решение папа.

Она и привела. В ближайшую субботу.

Сначала это было то самое свидание.

Варюха нервничала ужасно, пока собиралась, наводила «красоту на внешность», как называл это действие ее папа. А потом бежала к метро, уже опаздывая, ехала и всю дорогу переживала, досадовала на себя страшно, что все-таки надела не то платье – ей в нем неудобно, и зачем только его вытащила вообще! Ну, стильное – это да, и что?! А куда руки девать – вот так и вот так, когда поворачиваешься, оно натягивается и сковывает движения. И босоножки жмут немного, ну и что, что под платье подходят, но жмут же! Чуть не расплакалась от досады и таких глупых, но важных в этот момент переживаний.

А когда выпорхнула из метро и увидела Юрия, то забыла... обо всем на свете: и о дурацком платье, и о босоножках, и обо всех своих непутевых переживаниях.

Он показался ей таким красивым! Самым красивым из всех мужчин! В Москве! Нет, на свете! Нет, в жизни! Вот! Самым красивым мужчиной в ее жизни!

«Господи! – подумалось Варюхе. – Какая разница, красивым, некрасивым!»

– Здравствуйте! – поздоровалась она, подойдя к Юрию и всматриваясь в его лицо, и тут же исправилась: – В смысле: привет!

– Привет. – Он шагнул вперед, оказавшись совсем близко, взял обе ее ладошки в свои руки, улыбнулся и посоветовал: – Не нервничай так.

– Да! – согласилась Варвара. – Надо как-то поспокойней. – И спросила: – У нас свидание? Я не очень поняла замысел мероприятия.

– У нас свидание, – улыбаясь и все так же удерживая ее ладошки в руках, принялся разъяснять он. – Мини-свидание. Мы прогуляемся немного, выпьем хороший кофе где-нибудь и поедем к твоим родителям. Насколько я помню, они пригласили меня на обед.

– Пригласили, – кивнула она.

...И они пошли прогуливаться и чуть не опоздали на тот самый важный сватовской обед, так погрузились в мгновенно возникший их мир на двоих. Шли и шли, не замечая куда, – переходили по переходам на светофоре, сворачивали на какие-то улицы и переулки старой Москвы – шли, шли, забыв обо всем остальном и о кофе, и о встрече с родственниками, и говорили, говорили, смеялись постоянно и не могли оторвать взглядов от лиц, глаз друг друга.

Так бы и шли дальше, но в настоящую жизнь их вернул настойчивый звонок Вариного смартфона и папин торжественный голос, поинтересовавшийся, когда они подъедут.

– Подъедем? – переспросила не совсем вернувшаяся в реальность Варвара и тут же спохватилась, поняв, о чем он спрашивает, и посмотрела испуганно на Костромина.

А он взглянул на часы у себя на запястье, улыбнулся и приподнял иронично брови.

– Скоро, – подсказал он ответ растерявшейся Варваре.

– Скоро, – повторила она следом за ним и нажала отбой.

Вернувшись в нормальную жизнь, они обнаружили два факта – первый: они настолько далеко забрели, не замечая ничего вокруг, что добраться до места парковки, на котором Юрий оставил свой автомобиль, пешком было проблематично, и второе: через двадцать минут их ждали на торжественный званый обед.

Но Костромин все затруднения решил быстро и просто – тормознул какого-то частника, который подвез их прямо до его машины, а уж доехать до дома Варвары им удалось в кратчайший срок, чему поспособствовало отсутствие пробок в этот час и хорошее знание Юрием центра города.

С обедом тем тоже смешно вышло.

Варя была убеждена, что Юрий совсем не волнуется, держится уверенно, ровно и даже относится к ситуации с нескрываемой иронией, а все остальные – папа, мама и она – напряжены и ужасно нервничают. От этого и случилось некое замешательство в прихожей, когда она представляла родителей и Костромина друг другу, и все как-то засуетились, натужно улыбались, скупно и быстро жали друг другу руки. От этого неудобства Варвара уронила на пол сумочку, они с Юрием одновременно и резко наклонились за ней и со всей силы ударились лбами.

– Ой, ёе-е-е! – вырвалось у Костромина, и он схватился за лоб рукой.

– Ох-х-х-х! – взвыла Варвара и ухватила за свой лоб.

– Больно? – тут же отреагировал Костромин на ее писк, молниеносно притянул девушку к себе, отвел ее пальцы ото лба, присмотрелся. – Шишка будет, вот же! – Быстро поцеловал ушибленное место, погладил пальцами и посетовал: – Как же нас так угораздило?

И все это он проделал абсолютно автоматически, тут же напрочь позабыв про наблюдавших за ними родителей Варвары и про свой ушиб – мгновенно, словно они были совершенно одни в целом свете и такая вот забота о ней это нечто само собой разумеющееся. А старшие Добродеевы стояли пораженные и смотрели на них внимательно, и тут Костромин вспомнил про хозяев и оценил этот их взгляд.

– Надо срочно приложить лед! – обеспокоилась Лидия Андреевна и ринулась в кухню, по пути прокричав: – Льда как такового нет, но заморозка всякая есть, приложим!

Костромин осторожно выпустил Варвару из рук, но она инстинктивно прижалась к нему на какое-то мгновение еще сильнее, и он коротко погладил ее по спине – как бы провел ободряюще рукой.

– Понятно, – вздохнул Леонид Николаевич, зорким заинтересованным отцовским взором заметив все эти «марлезоны», и пригласил: – Давайте в комнату пройдем, что тут топчемся.

Пока мама с отцом выставляли закуски, Варя с Костроминым сидели на диване, прижимая к ушибленным местам на лбу пакеты с замороженными овощами: он с горошком, а она с мексиканской смесью. А когда наконец все оказались за столом, Костромин на первый же вопрос Леонида Николаевича, заданный максимально тактичным тоном о том, кем он работает, дал полный расширенный ответ о своей биографии.

Как краткий курс истории – где родился и жил, кто родители, кем работали раньше и что делают сейчас, где учился и работал он сам, что окончил, кем стал и где сейчас живет. Спокойно, солидно рассказывал, не рисуясь, но и не принижая себя. И вдруг резко замолчал, не закончив последнюю фразу, видимо, вспомнив о чем-то важном.

– Что-то случилось? – мягко поинтересовалась Лидия Андреевна.

– Да, – подтвердил Костромин и тем же почти официальным тоном пояснил, что именно случилось. – Я забыл все угощения к столу и цветы дамам в машине.

– Ну, – улыбнулась Лидия Андреевна и посоветовала: – Не надо так волноваться, Юрий.

– Как? – поразились Варвара и посмотрела на Костромина удивленно: – Юрий волнуется? Это я ужасно волнуюсь, даже вон лбом стукнулась, а Юрий Максимович, мне кажется, совершенно спокоен.

– Не совершенно, – улыбнувшись, возразил он. – Я волнуюсь за тебя.

Все рассмеялись, и отчего-то в этот момент все разом переменялось и исчезло бесследно всякое напряжение, сковывавшее всех раньше, и чувство нелепости ситуации, а вместо них появились легкость общения и смех, и шутки, и стало тепло и непринужденно.

Мужчины сходили к машине Юрия и принесли два прекрасных дизайнерских букета для женщин и какие-то угощения из дорогого магазина, которые тут же выставили на стол.

И только под самый конец застолья, когда, поменяв сервировку с основных блюд на десерт, сели пить чай с тортом, что привез Костромин, он как бы между прочим и заявил:

– Леонид Николаевич, Лидия Андреевна, а я ведь намерен жениться на вашей Варваре. И думаю как можно скорей, чего тянуть-то.

– Вот так вот, значит, – задумчиво произнес Леонид Николаевич, внимательно посмотрел на Юрия и дал свою отцовскую отповедь: – Вы же заметили, что мы совсем немолодые родители, даже чересчур пожилые. Так вот получилось, что дочь у нас единственная, холимая, лелеемая, папина-мамина девочка. Не балованная, но оберегаемая со всех сторон. Вы жениться с наскоку собрались, а знакомы только три дня.

– Так бывает, – твердо уверил Юрий. – К тому же пока свадьбу ждать будем, познакомимся поближе, и вы меня получше узнаете, с родителями моими познакомитесь, с друзьями.

– Вот тогда и поглядим, – не спешил с благословением Леонид Николаевич.

Разумеется, он прекрасно понимал, что если Варваре приспичит, то никто его разрешения и спрашивать не станет, но традицию и характер выдержал.

Ни Юру, ни Варвару уже ничего не могло остановить.

Они встретились на следующий день, в воскресенье, и на сей раз таки пошли в известное кафе, где подавали бесподобные кондитерские изделия и кофе делали потрясающий, и долго сидели, разговаривали. И когда официантка мягко поинтересовалась у них, будут ли они что-то еще заказывать и, извиняясь, указала на очередь посетителей, скопившуюся у дверей в ожидании освободившегося столика, намекая, что они тут засиделись, Варвара предложила:

- А давайте, что ли, в кино пойдем, Юрий Максимович?

Она все продолжала звать его по имени-отчеству и на «вы», а Костромин хоть и умилялся этой ее почтительности, но посмеивался и подшучивал над девушкой, назвав «не выкошенной всеми революциями и битвой полов интеллигенцией». Он посмотрел на нее странным, слишком серьезным взглядом и усмехнулся:

- Нет, Варвара, в кино мы с тобой не пойдем. - И доходчиво объяснил почему: - Я так сильно тебя хочу, что мне и сидеть-то трудно, а если меня поместить в непосредственной близости к тебе, да еще и в темноте...

- Ох! - обескураженно пискнула она и тут же покраснела, от стеснения приложив ладонки к полыхнувшим щекам.

А он рассмеялся, наблюдая за ее смущением.

Варя резко отдернула ладони от лица, осознав всю детскую наивность этого жеста, и неуверенно предложила:

- Тогда, может, прогуляемся?

- А ты хочешь гулять? - посмеиваясь, спросил Костромин.

- Я? - переспросила она, посмотрела на него и смело призналась как на духу: - Я бы хотела поцеловаться. - И торопливо, словно оправдываясь, добавила: - А потом можно и погулять.

Костромин хохотал, не мог остановиться, аж глаза ладонью прикрыл.

– Да, – согласилась совершенно расстроено Варвара. – Что-то я опять не совсем то сказала. То есть совсем не то.

– Да то, – продолжая похохатывать, возразил он, поднялся с места, подал ей руку и, заглянув в глаза, спросил: – Ну, что, пойдём целоваться?

– Куда? – растерялась она.

– Да куда угодно, но, думаю, удобней всего в машину.

Боже, что же это был за поцелуй!!

Варвара забыла себя, забыла все на свете, растворившись в этом потрясающем поцелуе, и так ей было блаженно, так сказочно сладко, что, когда он все-таки прервался, девушка аж застонала от досады. А Юрий, отстранившись, перевел дыхание, поцеловал ее еще раз, но легонько и коротко в губы, как бы успокаивая страсти, и погладил по щеке.

– Все, Варвара, надо остановиться, а то я за себя уже не ручаюсь.

– Почему? – совершенно наивно спросила она.

– Потому что вполне готов взять тебя прямо здесь! – довольно прямолинейно пояснил он.

– И что же делать? – растерялась Варя.

– Есть два варианта, – отчего-то разозлился Костромин, – действительно идти гулять, вести легкую приятную беседу и желательно на расстоянии, или поехать ко мне домой.

Варя смотрела на него и думала о том, что знает Костромина ровно четыре дня, да и это «знает» звучало условно, она понятия не имеет, что он за человек, зато четко отдает себе отчет, что совершенно не умеет разбираться в людях и тем более в мужчинах! И хоть папа с мамой сказали, что Юрий им понравился и даже очень к себе расположил, но следом они тут же напомнили, что самые отъявленные аферисты умеют быть настолько обаятельными и представляться

прекрасными людьми, что даже очень проницательный человек не заподозрит обмана. И еще рассказали уйму историй и примеры привели таких вот обманов из жизни знакомых и друзей.

Но Варя смотрела на этого практически незнакомого ей мужчину и понимала только одно – ему она может доверить даже свою жизнь. Все вот так просто! Он казался родным ей человеком.

А обман это или не обман, в данный момент не имело никакого значения.

– Тогда, – сказала она, – нам надо поехать к вам домой.

И увидела, как он расслабился от этих слов. Пока она думала, хмурясь от непростых мыслей, и решалась, он сидел напряженно и смотрел ей в глаза, а тут сразу расслабился. И она вдруг ляпнула:

– По крайней мере, там можно будет спокойно целоваться сколько захочется.

А он снова расхохотался. Даже голову на подголовник откинул и, продолжая смеяться, протянул руку, обнял ее, притянул к себе и поцеловал быстрым поцелуем.

– Обещаю, – сказал Юрий весело, – целоваться мы будем столько, сколько тебе захочется. И даже больше.

И она снова покраснела, сообразив, какую глупость сморозила.

Конечно, они целовались. Страстно, безудержно, совершенно потрясающе, начав проделывать это еще в лифте и продолжив в прихожей, как только там оказались.

Поэтому для Варвары все дальнейшие перемещения и действия абсолютно растворились в бесподобности этих сумасшедших поцелуев, в полном погружении в них. В себя она более-менее пришла, когда поцелуй неожиданно прекратился.

В головушке слегка просветлело, туман медленно испарялся, и через него она увидела, что стоит возле большой двуспальной кровати, а Юрий очень быстро раздевается, срывая с себя одежду, не сводя с нее горящего возбуждением взгляда. А потом он как-то раз и сразу оказался голым и шагнул к ней.

А Варюха интуитивно отшатнулась и сделала шаг назад.

- Что такое? - спросил он обеспокоенно.

А она, как дунька деревенская, смотрела на него во все глаза и не могла произнести ни слова. До сего момента Варвара никогда в своей жизни не видела голых мужчин. Нет, понятное дело, что она не Фрося из деревни «Красные петухи», где даже электричества нет, а девушка вполне себе современная, и ясно же про кино, Интернет и все такое, где «натуры» более чем в изобилии и при всем желании не пропустишь поучительный эротический натурализм. Но вот живую голых мужиков ей встречать не приходилось.

- Что? - снова тревожно спросил недоумевающий Костромин.

- Вот это все... - пояснила она нечто непонятное и сделала какие-то махи руками, обрисовывающие очертания его фигуры и остановившиеся где-то в районе паха.

И только теперь, махая руками лебедью подбитой, Варвара Добродеева изволила заметить, что она совершенно голая.

- Так, - четко произнес Костромин. - Понятно.

Он шагнул к ней, притянул к себе и обнял, пока она не успела опомниться от его напора и сбежать.

- Я так понимаю, что голый мужчина в боевой готовности для тебя зрелище непривычное.

- Новое, - кивнула она.

– Понятно, – снова повторил Костромин чуть растерянно, погладил ее по спинке, отклонился, заглянул ей в лицо и предупредил как можно мягче: – Но мы слишком далеко уже зашли, назад будет трудно и глупо возвращаться.

– Нет, нет, – даже как-то испугалась Варвара. – Зачем нам назад. Нам как-то туда... – от ужасной неловкости и смущения несла она бог знает что и сама это понимала, – ...туда, – повторила она и решительно указала рукой, как Ленин на памятнике – вперед.

– Молодец! – похвалил мужчина и начал трястись от приступа сдерживаемого изо всех сил смеха. – Вперед, это смело!

– Я что-то не то? – растерянно поинтересовалась девушка и предложила другой вариант: – Ну, можно не вперед, а прямо тут...

Костромин уткнулся головой ей в плечо и уже тихо хохотал, закрыв глаза. Варвара осторожно повернула голову в его сторону, посмотрела на трясущегося от смеха мужчину, вздохнула трагически и выдала новую порцию высказываний:

– А можно сделать так же, как до этого было, чтобы ничего не понимать и не видеть? И я уже вон вся голая, и вы уже тоже голый...

Тут бы уж точно никто не выдержал, и Костромин запрокинул голову и захохотал во все горло, от души, аж до брызнувшей слезы.

– Да, – сокрушенно согласилась девушка, глядя на него. – Неловко как-то получилось.

Хохоча, он рухнул на кровать, увлекая ее за собой, и все смеялся, не мог остановиться, и прижимал девушку к себе, и все порывался что-то сказать:

– Ох, Варюха, ты...

– Это от смущения, – честно призналась она. – И потом все так неожиданно произошло: я от поцелуя ничего и не видела, не помнила вокруг, и это было так... так... – подыскивала она слова, но сбилась, принявшись за дальнейшее объяснение: – И вдруг раз: и вы голый идете ко мне. И такой весь...

– Все, все, молчи! – взмолился Костромин, утирая слезы от смеха. – Ничего больше не говори!

– Ладно, – пообещала Варвара и честно замолчала.

– Все, – снова повторил он, немного успокаиваясь.

Коротко поцеловал ее в губы, продолжая непроизвольно посмеиваться, потом в кончик носика, в висок и в лоб, перевернул и перекатился сам так, что она оказалась под ним, медленно наклонился и поцеловал в губы...

Теперь уж без смеха.

И снова Варвара сразу же перестала соображать и только чувствовала, таяла в этом поцелуе. И неожиданно к тем головокружительным ощущениям, которые она испытывала, добавились новые, совершенно неизвестные ей, но невероятно приятные, и телу стало горячо в тех местах, где он касался его и что-то делал с ней такое удивительное руками, губами, и хотелось чего-то еще, еще и еще... и обязательно вперед, куда она указывала «ленинской» рукой.

Вперед!

И она совсем уж перестала соображать и неслась, куда вел ее мужчина, и на какое-то мгновение почувствовала резкую боль, которая тут же исчезла, а потом началось совсем уж фантастическое и неправдоподобное...

Варвара распахнула глаза и смотрела на Юрия, на его искаженное от чувств лицо, и на них двоих, слитых воедино, и переживала настолько сильные, незнакомые ей эмоции, прекрасные, великолепные, и чувствовала, точно знала, что надо подняться еще выше, еще, что там непременно ждет самое важное, что должно сейчас случиться...

И оно случилось, она взобралась на свою сияющую вершину и захлебнулась от восторга...

– Ну, ты как там? – спросил откуда-то сверху, через вечность, заботливый голос Костромина.

Варвара шевельнулась и осознала себя в настоящем моменте, поняв, что лежит, плотно прижимаясь к его боку, уткнувшись головой ему под мышку, и ощущает себя какой-то новой, обессиленной, но парящей в утихающем во всем теле блаженстве.

– Жива, – отозвалась она.

– Прости, – тут же повинился Костромин, ухватил ее двумя руками, подтянул повыше, уложил поудобней, пристроил ее голову к себе на плечо и признался: – Никогда не имел дел с девственницами. В наше время это возможно только в подростковом возрасте с ровесницами. А у меня тогда были женщины постарше и поопытней.

Варвара помолчала и взялась объяснять:

– Моя мама родила меня, когда ей было сорок пять лет, я ее первый и единственный ребенок. А папе было уже пятьдесят два. Вы можете себе представить, как они меня воспитывали и на каких примерах, если учесть, что у папы старинная московская семья, и в ней имелось несколько академиков еще до революции и после, в советское время, инженеры талантливые, артисты, писатели и поэты. Какие-то брызги дворянства и литературной элиты, а с маминой стороны все больше искусствоведы, переводчики и всякого добра не меньше. Мне было лет тринадцать, наверное, когда я, собираясь на школьную дискотеку, решила накраситься, как все наши девичьи в школе красились в те времена на такие мероприятия, папа застал меня за этим процессом, посмотрел на мои пудровые от туши ресницы, веки в бирюзовых тенях толстым слоем и, вздохнув, сказал: «Стараться стать такой, как все, и следовать правилам большинства, чтобы не выделяться и не быть за это отвергнутой и наказанной, конечно, легко и безопасно, как червяку в большой куче компоста вместе со своими собратьями. А вот быть человеком по-настоящему внутренне свободным, яркой индивидуальностью, игнорирующей мнение серого большинства, разумеется, тяжело и требует смелости и определенной воли характера. Зато только такие люди и достигают многого и становятся яркими личностями, которые двигают прогресс. И, кстати, которым потом старается подражать то самое серое большинство, что в свое время готово было их уничтожить за то, что они не похожи на всех, а теперь же готовы отдать все, чтобы одеваться, краситься, говорить, жить, как эти яркие личности». И так я себе вдруг ярко представила этого червяка в куче, что запомнила слова отца навсегда, решив, что не буду в компосте никогда. Смела боевой раскрас и на дискотеку вообще

не пошла, не очень-то мне на нее и хотелось на самом деле. Я всегда выглядела моложе своего возраста, к тому же маленькая была, подросла и сформировалась только к десятому классу, а так все ребенок и ребенок, когда у нас девицы уже все выглядели взрослыми, с третьим-четвертым размером груди, еще и одевались-красились соответственно. А я все шутки-прибаутки и смеюсь постоянно. Так что мальчики мной не интересовались, и слава богу, потому как в школе мне они были совсем до лампочки. А в институте, ну, вы же знаете, что такое технический вуз, у нас бесконечное черчение, оно мне даже ночью снилось, а математика, формулы, коэффициенты и градиенты, да я еще и английский язык взялась всерьез учить, никак он мне не давался. В общем, не высыпалась катастрофически, вскакивала, пила на ходу стакан свежего сока, что папа делал для меня каждое утро, хватала контейнер с завтраком и кофе в термосе, кое-как умывалась одной рукой, волосы в хвост и на учебу. Никогда не красилась, а в перемену сидела с учебником в руке на подоконнике и завтракала. Я производила впечатление ребенка-вундеркинда, попавшего в институт лет в четырнадцать-пятнадцать. Нет, находились парни и даже препод один, которые за мной ухаживали, и предложения всякие делали: и встречаться, и жить вместе, и я бы даже не отказалась с кем-нибудь сойтись, если бы влюбилась, но только вот ни один мне не нравился настолько, чтобы вступить с ним в близкие отношения. Вот не нравился, и все. А быть червячком из общей кучи меня папа навсегда отучил.

– Будем считать, что ты просто ждала именно меня, – предположил Костромин.

– Да зачем, не будем мы ничего считать! – рассмеялась звонко Варвара. – Это так и есть! – И вдруг спросила весело: – Юрий Максимович, а почему вы мне официального предложения не делаете?

– А что, ты хочешь подумать, отказать ли мне или принять предложение? – удивился он. – Или тебе сам процесс важен? Кольцо, мужчина на колено встает?

– Ну как... – задумалась Варвара. – Ну я же все-таки девочка, мне красоты хочется, почувствовать себя особенной. – И тут же поспешила успокоить: – А кольцо совсем необязательно. Мне эта традиция и не нравится совсем, она не наша, не русская.

– Кольцо как раз обязательно, – заявил Костромин. – Я планировал, что мы сегодня вдвоем зайдем в ювелирный и ты сама кольцо выберешь. А насчет красоты... – подумал и вдруг резко сел на кровати и распорядился: – Ну,

вставай, поедem делать тебе красиво!

– Нет, нет, подождите! – заторопилась, испугавшись его предложения, Варвара. – Я хотела спросить...

– Что? – усмехнулся он.

– А можно... – начала было она и остановилась, подбирая верное выражение, – повторить все... – на этом моменте Варя стала смущаться и вновь прибегла к помощи рук, делая ими непонятные пассы, – ну, все, что было, и чтобы получилось так же здорово? Так же великолепно. А?

– Варвара, – с самым серьезным видом поинтересовался Костромин, – ты знаешь, что смех и секс две совершенно несовместимые вещи?

– Не-ет, – покачала она удивленно головой и уверила: – Теперь вот буду знать, вы мне растолковали.

– Так вот, ты или отдавайся со страстью, или смехи меня, что-то одно, – так же серьезно произнес Костромин и строго спросил: – Ты когда ко мне на «ты» начнешь обращаться?

– Ну-у-у... – произвела Варя неопределенные круговые жесты одной рукой и призналась: – Понятия не имею. Когда получится, наверное.

– Ох, Варвара, – попенял ей Костромин, притянул к себе, обнял и рассмеялся.

Костромин часто вспоминал тот их первый раз.

Разумеется, бывало у них с Варюхой множество и других запоминающихся моментов интимной близости, если честно, то вся их сексуальная жизнь оказалась наполненной и прекрасной, они идеально подходили физически друг другу, и в постели у них все складывалось замечательно. Но, как у каждой пары, случались в их жизни особо яркие моменты близости, которые, как правило, запоминаются на всю жизнь.

Но тот первый раз был самым особенным, самым значимым и запоминающимся, в тот раз возникло их волшебство на двоих...

Лежа на кровати в темноте ночи, он улыбался, вспоминая тот их первый раз, Варюху, такую непосредственную, смешную, размахивающую руками от смущения и смешившую его до слез.

Как он разделся, шагнул к ней и вдруг увидел выражение неподдельного удивления на ее лице и как она отшатнулась от него, и выражение ее лица изменилось, у нее случился легкий приступ паники. В разгоряченном желанием мозгу успело просвистеть сразу несколько вариантов такого поведения девушки, один неприятней другого.

Но когда она начала выделывать странные пассы руками и нести какую-то ахинею, Костромин, в момент все поняв, рассердился на себя: «Идиот, можно было бы догадаться сразу».

И шагнул, обнял ее и попытался успокоить, но вместо этого начал хохотать над тем, что она несла, над собой и над глупейшей ситуацией в целом.

Ну а как бы он мог догадаться, если хотел Варвару с того самого момента, как увидел под секретарским столом, и желание это только росло, ширилось и шибало в мозги, затуманивая разум и способность к трезвому анализу.

Костромин понял, что заполучит ее и женится на ней в тот момент, когда она, стоя на коленях, протянула ему руку для знакомства и представилась. Он почувствовал легкий удар тока, когда принял ее ладошку, как разряд, но приятный, теплый, и подумал тогда странно так: «Ну, вот и она!»

И все! Никаких сомнений: «Надо, не надо, а с чего так вдруг и за каким мне эта женитьба...», и уж тем паче что-нибудь бредовое про свободу.

Да о чем вы? Такая фигня его разум не беспокоила.

Чувствовал, что прав: его девочка. Решил – все! Как обычно.

А тогда, при их первой близости, после того как отсмеялся и начал снова ее целовать, он вдруг почувствовал шквал настолько сильных эмоций, что аж дыхание перехватило, – сквозь горячее желание, затмевающее все, вдруг прорвалось осознание, что она вся, по-настоящему его, целиком! Вся! И это чувство настолько сильно проникло в него, что Юрий получил невероятный оргазм такой силы, который не переживал еще ни разу в своей жизни.

Вот это он точно запомнил на всю жизнь! Все, что чувствовал тогда!

У него слезы закипали в горле от переполняющих ощущений.

Он смотрел на девушку в бесконечной благодарности и чувствовал всем телом, когда она испытала первый в своей жизни оргазм и как потом выключилась. В буквальном смысле – постонала, что-то пробурчала, когда он ее устраивал рядом поудобней, и провалилась в сон.

А на «ты» она стала обращаться к нему к вечеру того воскресенья. Ни в какой ювелирный они не поехали и вообще никуда не поехали, а словно намерстывая все ее упущения в сексуальных знаниях, провели весь день в кровати, болтая, смеясь, целуясь бесконечно и занимаясь любовью.

Так, что он даже беспокоиться за нее начал – все-таки первый раз у девочки и ей явно не комфортно и болезненно, но она провоцировала его, заводила, и Юрий не мог удержаться.

Кстати, «красиво» он ей сделал.

Пока она спала в перерыве между горячей любовью, Костромин заказал по телефону доставку букета и торжественного ужина из хорошего ресторана. Сам накрыл стол в кухне, не забыв про сервировку, а вот свечей в его холостяцком убежище не нашлось. Но вообще-то мы электрики, если кто забыл, и он быстренько соорудил нечто переливающееся-зажигающееся из тех светильников, что имелись к нему в доме.

Все приготовив, разбудил «спящую красавицу», закутал, как в тогу, в простыню, привел в кухню и сделал ей таки предложение. На одно колено становиться не стал, как-то это не по его характеру – слишком романтично и слащаво казалось.

Но Варвара, пораженная до глубины души всем, что он тут для нее устроил, расплакалась от избытка эмоций и кинулась его благодарить, и так благодарила, так благодарила...

В общем, ужин они ели холодным – подогреть еду уже ни у нее, ни у него сил не оставалось. А ничего, вкусно было.

На ночь Варвара у него не осталась и, как бы Костромину этого ни хотелось, он ее не стал уговаривать, поэтому как только она печально произнесла: «Мне, наверное, пора», – он тут же стал собираться, помог ей одеться и отвез домой, до квартиры проводил и сдал на руки открывшей им дверь Лидии Андреевне. Заходить отказался и откланялся.

А на следующее утро приехал за ней.

– Ты почему приехал? – удивилась Варвара, открыв дверь. – У тебя же сегодня объект какой-то, ты вчера говорил.

– Объект постоит некоторое время без меня, а у нас с тобой важное дело, – пояснил туманно Костромин.

– Мне же в отдел кадров, – напомнила Варвара.

– Подождет твой отдел кадров, я позвонил и предупредил.

– Тайны? – вышел в прихожую, где они разговаривали, Леонид Николаевич.

– Есть немного. – Костромин поздоровался с ним за руку и кивнул на Варвару: – Она вам вечером расскажет.

Он привез Варю к отделению загса того района, где она проживала с родителями, и они подали заявление о регистрации брака. А после загса заехали в ювелирный магазин, где работал один из заказчиков, которому трест Костромина строил коттедж в элитном поселке. Вот тогда-то, после подписания акта приемки, более чем удовлетворенный клиент предложил приехать к нему в магазин, если какая ювелирка понадобится.

Вот понадобилась.

С ним Костромин так же созвонился вчера вечером и обговорил предварительно, что бы хотел.

Но Варвара от кольца вдруг решительно отказалась.

– Я их не ношу практически. Когда работаю, всегда снимаю, мешают. Да и не люблю.

– А обручальное? – спросил он удивленно.

– Обручальное носить буду всегда, привыкну, – махнула она рукой. – Оно же плоское.

– Тогда что выберем? – несколько растерялся Юрий.

– Что-нибудь, что я постоянно носить смогу, ну как символ помолвки и вообще... – повела она неопределенно рукой.

Он отметил с неким теплым мужским умилением, что различные жесты руками, когда Варя размышляет или подбирает слова, или пытается передать сильную эмоцию, это ее изюминка, некое присущее ее индивидуальности действие. И так это было по-женски, беззащитно и мило. Бог знает, он не мог дать четкого определения.

Мило, и все. Варюха, одним словом.

Они выбрали короткую плоскую золотую цепочку с кулоном в виде двух небольших колец: одно побольше, второе поменьше, сцепленных друг с другом, внутри колец посверкивали бриллиантики. На символ вполне тянуло, да и Варваре это украшение сразу понравилось. Подобрали тут же и обручальные кольца.

Встретились они в конце июля, а в октябре уже поженились.

Костромин жил на служебной квартире, выделенной ему холдингом, как бы условно снимал. Условно в том смысле, что оплачивал он только коммунальные услуги и совсем небольшую арендную плату в бухгалтерию предприятия, скорее символическую.

Зарабатывал Юрий к тому времени уже очень даже неплохо, не миллионы пока еще, но вполне приличную зарплату, часть которой несколько лет откладывал на специальный счет, все хотел родителям отдать долг и купить им приличный домик с участком под Ростовом взамен проданного бабушкиного. Вот только машину себе приобрел не самую дорогую, но вполне приличный джип с достойными ходовыми качествами.

Решив, что домик под Ростовым подождет еще немного, свадьбу молодой жених оплатил сам, ну, кроме платья невесты и полной ее экипировки, на этом настояли родители Варвары, утверждая, что так полагается.

Они поженились и повенчались в один день. Венчание предложила Варвара, даже не предложила, а скорее настояла.

– Так правильно, – заявила она решительно. – Говорят, что при венчании к семье ангел прикрепляется и ее охраняет. Хочу, чтобы нас охраняли.

– Я нас охранять буду, – посмеялся ее серьезности Юрий.

– Это само собой, – рассмеялась Варя и добавила: – Но пусть нас еще и высшие силы охраняют. Не помешает.

Они и охраняли эти высшие. Да вот не доглядели...

Молодые сразу хорошо зажили. Уютно, радостно, легко, весело.

Почему-то им было все время весело.

Варюха переехала к Юрию, и они оба как-то сразу привыкли жить вдвоем, устроились в этом совместном житие практически с первых же дней, словно жили так уже много лет – одним бытом, одним дыханием.

Она оказалась великолепной хозяйкой, такой по-старинному правильной, что ли: прекрасно готовила, Костромину очень по вкусу пришлось ее кулинария, все ее блюда, даже чай она заваривала особенный, вкусный, душистый и вела дом легко, не предъявляла немыслимых требований к мужу, без психоза на идеальном порядке, наверное, всего за месяц ощутимо преобразив его холостяцкое жилье в уютное семейное гнездо, даже с намеком на аристократизм. Например, полным сервированием стола на завтрак с ножами-вилками, салфетками, особой посудой.

А ему нравилось. Ему нравилось все, что она делала.

Варвара – такая женщина-женщина-женщина во всех смыслах, и она как бы вручила ему корону мужчины-мужчины: мудрого мужа, защитника и в чем-то учителя-наставника, главы их совместной жизни, ответственного за семью. И так это у нее получалось естественно, как дышать, она просто надеялась на него во всем и полагалась. При этом не теряла свою индивидуальность и ни в чем не ущемляла особую яркость своей личности.

Ну вот женщина! Костромин умилялся ярким и явным проявлениям ее истинной женской сущности, хоть и ворчал для порядка в воспитательных целях, но по большей части смеялся.

Она постоянно теряла или забывала где-то перчатки сразу парой, а чаще по одной, зонты растворялись за пределами квартиры, как в черной дыре, терялись какие-то мелочи, важные для нее и совершенно непонятные ему, солнечные очки так вообще являлись расходным материалом и чуть ли не одноразовым атрибутом. Засовывала куда-нибудь ключи от квартиры и ужасно нервничала, паниковала, начиная их искать, а не находя, звонила Костромину, и он мчался спасать, и каждый раз делал дубликаты ключей, а предыдущие странным образом вдруг находились в другой сумке через какое-то время – в летней, например, зимой, а в зимней летом.

Помотавшись так пару-тройку раз, Костромин вручил связку ключей Вариным родителям и устроил особый тайник под окном на лестничной клетке, где спрятал запасную связку специально для Варвары.

Она страшно пугалась, когда что-нибудь кликало или глючило в ее компьютере или выскакивали какие-нибудь левые объявления, и кричала, призывая мужа

немедленно на помощь:

- Юра!! Тут что-то случилось ужасное с моим компом! Все пропало!

И он спасал, а она кидалась ему на шею, крича на сей раз от радости и восторга:

- Ты самый лучший!! Самый умный, самый крутой-разкрутой!! Гений! Ты мой герой и мой спаситель!!

Когда Варвара работала или рисовала, то мир вокруг переставал для нее существовать и все остальное было как бы вне пространства ее творчества, она скручивала волосы в пучок, засовывала в него карандаши, которые потом там и забывала частенько, могла даже так в магазин выйти, если срочно вдруг что-то понадобилось, и тихонько что-то напевала, рисуя или делая чертежи. Он как-то спросил:

- Ты что поешь?

- Я пою? - удивилась необычайно она.

- Ну да, вот сейчас рисовала и пела.

- А-а-а, - отмахивалась Варюха. - Это какая-то мелодия в голове звучит, я ее и напеваю.

Он умилялся этой ее привычке и мог долго с наслаждением наблюдать, как она работает и подпевает себе, за ее движениями и как меняется выражение ее лица: то сосредоточиваясь, когда что-то не получается, то вдруг освещаясь улыбкой, когда приходит интересная идея или что-то очень хорошо получается. Рядом с большим чертежным столом Костромин поставил кульман специально для ее работы, у другого же окна теперь располагался его рабочий стол с монитором базового компа и двумя ноутбуками, и все это в их единственной комнате, сочетавшей в себе гостиную и спальню, два «кабинета» его и ее, благо пока большая площадь позволяла.

Варвара никогда не бралась за мужские дела, даже если легко могла с ними справиться и ей было срочно нужно, а Юрия не оказывалось рядом, даже

крышки консервных банок не откручивала сама, не говоря уж про что-то иное по хозяйству, тем более таскание тяжелых сумок из магазинов. Этого она вообще категорически не делала, у меня же есть муж, говорила она с гордостью.

Зато прекрасно управлялась со всеми женскими хозяйственными делами и только посмеивалась над привычками Юрия, присущими большинству мужчин, давно объясненными всяческими заумными психологами как некое особенное устройство мужской психики и мозгов, и так хорошо «воспетыми» женщинами.

Костромин недавно прочитал где-то одно высказывание, источник не помнит, но очень ярко подмечено:

«Только женившись, я узнал, что можно неправильно поставить пакет молока в холодильник».

Вот это совсем не их история.

Его разбросанные носки она молча собирала и кидала в специальную корзину для грязных носков, вешала на плечики и убирала его пиджаки и брюки, скинутые на диван или кровать, молоко и другие продукты спокойно переставляла в холодильнике так, как ей было удобно, перед тем как включить, проверяла переключен ли смеситель с душа на кран и исправляла еще десятки таких вот мужских ляпов, весело смеясь над всеми этими мелочами.

Ну не нервировало ее это, и все, веселило только.

Справедливости ради надо отметить, что разбрасывал свои вещи Костромин довольно редко, только если совсем уж уставал на работе и приходил домой совершенно вымотанным. Дело в том, что отец приучал его с детства:

– Запомни, сынок, электричество не терпит беспорядка и разгильдяйства и сильно за него наказывает: забудешь шурупчик какой или поврежденный кабель подключишь – и произойдет замыкание. А от него пожар, и беды не миновать, могут и люди погибнуть. Порядок нужен четкий! Тогда и в голове, да и в жизни порядок будет.

Запомнил, да еще подкрепил ценной практикой, то бишь один раз так отхватил током – долбануло будь здоров! – что отлетел на полтора метра от кабеля поврежденного, в глазах искры вспыхнули, руки-ноги еще час, наверное, не слушались, а волосы до следующего утра торчком стояли.

Как жив остался, вообще загадка.

Вот после этого уж точно порядок в голове выправился у него правильный. И не бывает так, что ты аккуратист на работе и все у тебя там по полочкам и по линейке, а в быту раздолбай, в грязи и бардаке живешь. Так что, считай, повезло Варюхе, мужик Юра оказался аккуратный, и еще больше повезло, что не до педантизма с элементами шизофрении.

Прямо пастораль и идеальная картинка!

Ну и что? А им было замечательно вместе, да еще и в сексе все у них получалось просто супер! Частенько так и покруче, чем просто супер!

Господи, как же хорошо им было тогда! Как же хорошо!

Варвара как-то очень быстро забеременела, наверное, месяца через два после свадьбы. Прямо за несколько дней перед Новым годом они узнали, что ждут ребенка.

Праздник в тот год получился в семье классный.

Во-первых, их первый совместный Новый год. Приехали его родители из Ростова и остановились пожить у родителей Варвары.

Родители молодых нашли общий язык еще перед свадьбой, на стадии сватовства и знакомства. Ну а что им не найти тот самый общий язык и взаимную симпатию? Разница в возрасте, правда, ощутимая имела – Добродеевы постарше на пятнадцать и восемнадцать лет, но Леонид Николаевич и Максим Петрович оба по профессии инженеры, технари, оба работали на производстве еще при Советском Союзе, оба интеллигентные, крепкие мужики, рукастые-головастые, с большим жизнелюбием, и интересы, в общем-то, похожие. Ну а женщины, те мгновенно поладили, так же признав друг в друге родственные души. Так что

между сватами царило полное понимание, взаимное уважение и начинающаяся крепкая дружба.

Были на празднике еще друзья и родственники Добродеевых, женщины приготовили и накрыли замечательный стол, и когда провожали тостом уходящий год, Юрий с Варварой сообщили родным новость...

Все! Выключился мысленный проектор! Ушли воспоминания. Отхлынули.

Костромин сел на кровати, поставил локти на колени и опустил лицо в ладони. Вот так всякий раз – яркая солнечная картинка о прошлом, и Варюха в нем такая родная, красивая, радостная, улыбается, сверкает своими ямочками, сияет поразительными весенними глазами с огоньками внутри, и в один момент – раз, и все, темнота вокруг.

Такое вот наказание.

Он сидел, спрятав лицо в ладонях, и думал о ней. О своей Варюхе.

Наверное, месяца через полтора-два после свадьбы Костромин неожиданно обнаружил, что взгляд ее удивительных глаз всегда с ним. Как-то застрял в пробке, обдумывал рабочий момент и спросил вдруг вслух, так автоматически, безотчетно, как частенько делает каждый из нас, когда размышляет в одиночестве:

– Ну, Варюх, что думаешь, так будет правильно?

И поймал себя на том, что видит перед мысленным взором ее улыбающееся лицо, на котором ярче всего выделяются прекрасные глаза – весь лик ее как бы размыт, словно дымкой подпернут, а вот глаза ясно и четко видны, прямо сияют, и она ему весело отвечает:

– Не-а! Что-то ты, Юрий Максимович, тут не доглядел!

Костромин было удивился, посмеялся такому видению, но оно повторилось еще несколько раз в тот же день и на следующий, а потом и вовсе стало привычным.

Он рассказал жене об этой странности, но Варя даже не удивилась.

- Правильно, а как же! Так и должно быть, - убежденно заявила она. - Я же о тебе думаю постоянно, настроена на твою волну, и наши души таким вот образом общаются на расстоянии. А знают они побольше нашего земного, вот я тебе через душу или какое-то там эфирное тело и подсказываю, разговариваю с тобой и утешаю.

- Это ты что-то закрутила эзотерическое, Варюх, - засомневался он, усмехаясь.

- Нет, не накрутила. Так и есть, - уверила она и поразила признанием: - Я же с тобой тоже постоянно разговариваю и советуюсь, когда мы врозь, и также тебя вижу.

- И что я тебе подсказываю? - развеселился Костромин.

- Правильное решение или просто пообщаешься со мной, пошутишь, поддерживаешь в трудную, так сказать, минуту, - улыбалась радостно она.

Варваре было так уютно и радостно жить с Юрием, что она словно каждый день проживала в празднике. Праздник, счастье, все сияет вокруг, и невозможно не улыбаться, не смеяться от переполняющей радости!

Вот так ей было тогда!

Она легко приняла все устои Юрия и его личные правила быта во многом потому, что в быту и в жизни Костромин напоминал ее папу.

Он был такой же рукастый, хозяйственный и, как и Леонид Николаевич, сразу, с первых же дней взял на себя всю меру ответственности за их семью и лично за нее, Варвару.

У нее порой возникало подспудное ощущение, что некие высшие силы как бы взяли и нежно переместили ее от родителей в столь же уютное и привычное семейное гнездо, но только с Костроминим, прибавив к ее обычной жизни еще и море счастья.

И она с восторгом рассказывала об этом всем! Всем-всем-всем!

На работе коллегам, подругам, родственникам и знакомым Варя говорила и говорила про своего замечательного Юрочку, какой он сильный, умный, талантливый, надежный, прекрасный, как им хорошо вдвоем и какое это счастье и так далее. Так далее...

Ей было так хорошо с ним!

Он часто ездил в короткие командировки, и Варя пекла пироги в дорогу, купила удобный пищевой термос и обязательно готовила горячие блюда с собой, чтобы не ел всухомятку, и заваривала специальный чай с травами, медом и лимоном, который заливала в отдельный термос и сама складывала все его вещи в дорожную сумку. Провожая, она целовала, желала удачи и обязательно восхищенно называла: «Мой Король».

Костромин посмеивался над этой ее восторженной влюбленностью, но совершенно определенно ему это нравилось.

Она любила все в нем! Все-все-все!

Она любила его до головокружения, обожала его голос, запах, его смех, его мужскую веселую снисходительность к ее женским слабостям и рассеянности, видела и принимала с благодарностью его любовь и заботу. Господи, да часами можно перечислять, что она в нем любила и как она его любила!

Родные и друзья посмеивались над ними, постоянно застукивая целующимися или обнимающимися где-нибудь в укромном уголке, и все предрекали – молодожены, скоро пройдет! Но оно как-то не проходило, а только усиливалось.

На любом мероприятии, вечеринке, семейном празднике или выезде на природу они с Костроминым пытались уйти куда-нибудь в сторонку, находили укромные места и целовались, как подростки, и почему-то непременно кто-нибудь из гостей натыкался на них и принимался шутить по этому поводу.

Они ждали ребенка на Новый год. Когда радостную весть сообщили родным, у Варвары было уже два месяца, и вся семья пребывала в восторге – ну, а как же!

Первый внучок и у тех, и у других родителей!

Юра оберегал жену, холил, заботился с особой интенсивностью, носился с Варей, как с хрупкой драгоценностью, а она смеялась над этой его чрезмерной заботой и пугала, что с завтрашнего дня пойдет бегать по утрам...

А в конце марта у Варвары вдруг открылось кровотечение.

Еще утром она чувствовала себя замечательно. Юрий, как теперь стало обычным, отвез ее на работу и проводил до самых дверей офиса. А ближе к обеду она вдруг ощутила резкую боль внизу живота.

В туалете Варя увидела, что у нее по ногам течет кровь...

Она испугалась ужасно, до ступора, до остановки сердца, крик отчаяния и боли застрял у нее в горле комом, перед глазами повисла пелена... Единственное, что она смогла подумать в тот момент: требуется срочно позвонить мужу!

Звонить мужу, потому что только он может ее спасти!!

Она позвонила и прохрипела, проталкивая слова через застрявший в горле комок не вырвавшегося крика, и смогла услышать только одно, как он прокричал в ответ:

- Держись!! Я еду!!

И ее сознание ухватилось за это обещание, в голове зазвучал Юрин голос: «Держись! Держись! Я еду!!»

И она опустилась на кафельный пол туалетной комнаты и ждала только его, точно зная, что только в нем их с малышом спасение.

Надо просто дождаться Юру!

Дальше она ничего не помнила, все растворилось в тумане боли – какие-то люди бегали, кричали и суетились вокруг. Ее подняли, понесли куда-то, кто-то что-то спрашивал, но она не могла отвечать, балансируя на грани сознания и повторяя

про себя мысленно только одно: «Надо дождаться Юру! Надо дождаться Юру!»

И он успел!

Он приехал, когда ее уже выносили к машине «Скорой помощи», Варвара ухватилась за его руку и прохрипела, приподняв голову:

– Юра...

– Я здесь, я здесь, с тобой! – уверил он, непроизвольно-сильно сжав ее ладонь.

– Не уходи, – попросила она и наконец потеряла сознание.

Он не уходил. Все время оставаясь возле нее, его пытались гнать врачи и медперсонал, но он игнорировал все требования и продолжал держать ее за руку до того момента, пока каталку с Варварой не вкатили в операционную.

Она пришла в себя поздним вечером и, еще не открыв глаза, почувствовала мужа рядом.

– Юра, – позвала Варя.

– Я здесь, – тихо ответил он и взял ее за руку.

Варвара с усилием разлепила веки. В палате, в которой она обнаружила себя, было темно, только неярко светила лампа на тумбочке, и в свете этого ночника невозможно было различить выражение лица мужа, который наклонился к ней.

– Ребенок? – спросила Варя, уже зная ответ.

Чувствуя всем своим существом это знание.

– Нет, – тихо сказал он и покачал головой.

– Почему? – просипела сухим горлом Варвара.

– Непонятно, – помолчав, ответил Юрий. – Врачи говорят, никаких видимых причин для выкидыша не имелось, – и перевел разговор: – Тебе надо спать, набираться сил. Мы потом обо всем поговорим.

Она заплакала. Беззвучно и страшно. Закрыла глаза, из них лились слезы, и ей казалось, что они настолько ядовитые, что прожигают следы на коже лица...

Костромин не стал уговаривать жену не плакать и не произносил глупых призывов успокоиться, не начал объяснять, что ей сейчас нельзя нервничать, и все такое – тупое, дежурное и никчемное в данной ситуации. Он обнял ее осторожно, просунув одну руку ей под шею, расцеловал ее закрытые глаза и ручейки слез на щеках, наклонился, прижался лицом к ее лицу и плакал вместе с ней.

Они так и замерли – два несостоявшихся родителя, оплакивающих свое не родившееся дитя...

– Не оставляй меня здесь одну, – попросила Варвара, когда они немного пришли в себя от слез и Юрий, чуть откинув голову, заглянул ей в лицо. – Я не смогу без тебя тут.

– Не оставлю, – твердо пообещал Костромин.

Он остался, как ни протестовал медперсонал и лично лечащий врач Варвары. Юрий только сказал ему жестко:

– Я не уйду.

Врач посмотрел внимательно и, тяжело вздохнув, велел медсестре выдать Костромину медицинскую форму, чтобы он переоделся в стерильное.

Он переоделся и лег на кровать рядом с женой, когда их наконец оставили все в покое, уложил ее голову себе на руку, обнял и всю ночь охранял ее сон.

Каждую ночь до самой выписки из больницы Юрий проводил рядом с женой, сменяя на «вахте» кого-нибудь из родственников, в том числе и маму, приехавшую поддержать сына с невесткой в их беде.

Беда была общей, свалившейся страшным потрясением и на родителей, словно придавив чугунной плитой. Держались одним кулаком друг за друга, успокаивали, как могли, и уговаривали, что надо жить дальше.

Жить, конечно, дальше надо.

Тем более врачи объяснили, что со здоровьем все в полном порядке.

Причину, по которой произошел выкидыш, так и не смогли диагностировать. На самом деле непонятки какие-то – Варвару и Юрия подвергли всяческим исследованиям, и они оба сдали кучу всевозможных анализов и тестов, маркеров и еще какой-то там фигни, которые совершенно четко и однозначно показали, что оба абсолютно здоровы, у них прекрасная физическая совместимость и никаких противопоказаний для возникновения нормальной беременности и полноценного вынашивания ребенка не имеется и в помине.

Плод так же был здоров и замечательно развивался, Варвара правильно питалась, вела правильный образ жизни, берегла себя и ребенка. Так же никаких внешних факторов, спровоцировавших выкидыш, не имелось, она не ударялась, не делала резких движений, не поднимала тяжестей, не отравилась никакой пищей, не нервничала и не перетруждалась...

Одним словом – не имелось никаких причин, из-за которых мог бы произойти выкидыш! И как это понимать, ни врачи, ни тем более Варя с Юрием не знали!

– Из позитивных новостей, – сказал лечащий врач при выписке. – Вы оба совершенно здоровы, и у вас, Варвара, нет никаких препятствий и противопоказаний для новой беременности. Вы ее прекрасно выносите и родите здорового ребеночка. Но не раньше, чем через полгода.

Хорошая новость, жизнеутверждающая.

Вот только Варвара находилась в состоянии депрессии и никак не могла смириться, принять гибель ребенка.

Ну это понятно.

Наверняка все нормальные женщины, которым пришлось пройти через такую беду, находились в таком состоянии, с единственной только разницей – кому и насколько быстро удавалось из него выйти. Вот это главное!

Варвара отдавала себе отчет, что не только она потеряла ребенка, его потерял и Юра, и их родители, она понимала и то, что надо бы поберечь душевное состояние родных людей, но не могла. Не могла!! – думала только о себе и о страшной своей потере, вся погрузившись в нее.

Помог случай. Как водится, вершитель судеб – случай!

Нет, нет! – сопротивлялась во сне Варвара. – Зачем ей воспоминания про потерю ее малыша?! Зачем?! Нет, она не хочет!

Она плакала и требовала вернуть ей память о других событиях, о таких днях, где всегда светит солнце и синие-синее высокое небо, в котором быстрыми росчерками носятся стремительные стрижи, пахнет счастьем и где-то совсем рядом чувствуется море...

Не надо ей про ту боль и те душевные страдания!

Она проснулась, почувствовав, что подушка под щекой мокрая от пролитых во сне слез, и подумала – вспомнила, что страдала тогда не она одна...

Костромин всегда оберегал ее, хранил, вот и не показывал, скрывал свою личную боль утраты. Носился с Варей, как с ребенком малым, все пытался порадовать чем-то, вырвать из ее мрачного депрессивного состояния, придумывал всякие занятия, а сам...

Варвара однажды проснулась отчего-то посреди ночи, а мужа в кровати нет, полежала, прислушалась к ночной тишине и услышала какие-то непонятные тихие звуки, доносящиеся из кухни.

Выбралась из кровати, пошла туда и увидела Юру.

Горела только одна лампа над рабочей столешницей, чуть разбивая темноту, он сидел за столом, поставив на него руку, опустил лицо в ладонь и плакал. Такими тяжелыми, мужскими безысходными слезами безмерной боли, оплакивая сыночка, так и не появившегося на свет...

И она кинулась к нему, обняла, целовала торопливо, бестолково, куда попадала губами, и просила прощения за свой эгоизм, за глупость свою, за то, что не уберегла ребенка, целовала и говорила, говорила между поцелуями сбивчиво, бессвязно, пока он не схватил ее руки, не прижал их к бокам и не обнял своими сильными руками, останавливая эту ее покаянную неосознанность.

Они так и сидели какое-то время, молча, но вместе, не порознь переживая волну душевной боли и очищения. И Юрий тихонько покачивал Варю, успокаивая и покачиваясь с ней и сам.

Зачем она все это сейчас вспоминает? Ей не нужно в больные воспоминания, ей надо в светлые!

А Костромин не назначал очередность воспоминаний, они сами приходили, властно вторгаясь в его сознание, не спрашивая разрешения и не подчиняясь его желаниям.

Он тоже не хотел проживать заново потерю малыша и того, что испытал тогда. Не хотел! Но они сами явились без его желания и ведома, правда, пощадили – лишь краем, росчерком напоминания коснувшись той больной раны...

Как же жутко он тогда испугался за Варюху!!

Ужасно.

Она позвонила и прохрипела чужим, незнакомым голосом:

– Юра! У меня кровь!!

Он все сразу понял, подскочил с кресла и проорал:

- Ты где?!

- Я на работе... В туалете... - сипела горлом Варвара.

- Держись! - кричал он. - Я еду!!

И, выбегая из кабинета, торопливо набирал телефон Гондарова и кричал ему в трубку:

- Варвара в туалете, у нее началось кровотечение, пошли туда Зинаиду и вызывай «Скорую»! Я еду!!

Он успел в самый последний момент, когда Варюху выносили из офиса. А дальше потянулись страшные часы ожидания вердикта врачей. И та долгая больная ночь, когда жена спала у него на плече, истерзанная болью и слезами, а он размышлял, за что им такое наказание.

Или для чего?

Варя быстро оправилась физически, но никак не могла отойти душой от боли и потери. Изменилась, совсем перестала шутить, улыбаться, пропал ее звонкий смех, и только мерцали весенние глаза лампадками, теперь отчетливо освещая ее внутреннюю боль, а не радость жизни, и Юрий не знал, как помочь жене, и страдал от этой своей беспомощности.

И была та ночь, когда он оплакивал потерянного сына, а она застала его и кинулась успокаивать, и что-то произошло тогда с ними странное, какой-то перелом в них обоих - перелом к жизни, к свету, словно они очистились вдвоем от тяжелой болезни.

Не исцеление еще, но поворот к нему.

Бог знает, Юра не мог бы объяснить, только чувствовал.

На следующий день он заехал за Варей на работу, а ее коллеги сообщили, что она ушла. Костромин перепугался тут же ужасно - заболела, решил с перепугу! Давай звонить, а она таким вялым голосом отвечает:

- Нет, не заболела. Так просто.

В его понимании, если жена говорит «Так просто» про свою обожаемую работу, значит, точно заболела – у нее про работу и рисование все только в восторженных тонах. Несся домой, нарушая правила дорожного движения, передумал бог знает что, прикидывая, что могло случиться на самом деле, и, ворвавшись в квартиру, с порога прокричал:

- Варвара, что произошло?!

- Нормально все, – спокойно ответила она, выходя ему навстречу из комнаты.

- Если бы нормально, ты бы с работы не ушла! – шумел Костромин.

- Там мне все сочувствуют, делают скорбные лица при моем появлении, жалеют и шушукаются по углам, зыркая на меня глазами. Я так больше не могу, – пожаловалась она.

- Прямо-таки зыркают? – ворчливо уточнил Костромин, чувствуя натуральный отходняк после адреналиновой атаки, устало опускаясь на диван в прихожей.

- Зыркают, – подтвердила она, первый раз за все это время слабо улыбнулась и вдруг попросила: – Юр, пойдём в церковь, прямо сейчас, в ту, где мы венчались, к тому батюшке. Почему-то вот в голову пришло.

Они пошли. Прямо сейчас.

- Детки все ангелы, – сказал им батюшка в утешение, – а те, кто не рожденные, ангелы вдвойне. Коль вы греха не творили по умерщвлению младенца, то и душа ушедшая не мучилась. Светлая и чистая ушла, в любви зачатая. Помолитесь за себя и за дитя не рожденное и отпустите со светлой душой. А унынию предаваться нельзя. Грех, – попенял он Варваре.

Помолились, как велел, но с унынием справились не сразу. Случай великий помог, тот самый, который с большой буквы.

Фирма Гондарова получила крупный заказ на проект загородного дома-усадыбы, и не какого-нибудь навороченного новорусского закидона с изысками и выкрутасами дурного вкуса или полного его отсутствия, а с изысками, но в определенном стиле.

Словом: интересный проект, богатый и дорогой.

Работали совместно с группой дизайнеров, и вот руководитель этой группы увидела на стене в приемной Гондарова два рисунка Варвары, выполненные углем, очень ими заинтересовалась и спросила у Зинаиды Кузьминичны:

– Кто автор этих рисунков?

– Замечательно, правда? – заулыбалась та, как счастливая мать, гордящаяся достижениями своего ребенка. – Это девочка одна у нас работает, прекрасно рисует, я ее и попросила сделать рисунок для меня. И дома повесила. Мне очень нравятся.

– Мне тоже, – сдержанно улыбнулась ей в ответ дизайнер и повторила вопрос: – Так что за девочка, с ней можно поговорить?

Варвару срочно вызвали в приемную и первое, что спросила ее дизайнер, как только они поздоровались:

– Вы гравюру сможете изготовить, работали в этой технике? – очень строго, между прочим, спросила, приняв ее за девочку-стажерку лет восемнадцати от силы.

Варя, продолжая находиться в своем депрессивном состоянии, не красилась, прическу не делала, да и одевалась попроще, не прихорашивалась, как раньше, вот и выглядела соответственно не сильно-то серьезно.

– Могу, – не слишком уверенно ответила она и пояснила: – Я всего лишь два раза работала в этой технике, нарезала «доски» для эстампа, но оттиски делали в граверной мастерской.

– Вот и замечательно, – порадовалась, но снова сдержанно, великолепная дама-дизайнер и попросила тоном приказа: – Можете сделать мне для примера одну гравюру. Небольшую, посмотреть, как у вас получается.

– Могу-у... – задумчиво и не слишком уверенно подтвердила Варюха и, уже обдумывая детали, добавила: – Надо только с мастерской договориться. У меня своего станка нет.

– Я договарюсь, – величаво пообещала женщина.

Варя выполнила заказ. И получилось у нее так, что разговаривать теперь ее пригласили в кабинет к Гондарову.

– Я хочу сделать вам заказ, – сразу же перешла к делу дама-дизайнер, как только Варвара села за стол переговоров. – Наш с Антоном Михайловичем клиент, – почтительный полукивок в сторону Гондарова, – человек очень известный и очень богатый, но, слава богу, с хорошим вкусом, хоть и несколько нестандартным, и особыми требованиями к тому, что мы для него делаем. В общую концепцию дизайна дома вписываются именно гравюры. Ваши очень хороши и идеально подошли бы. Мы хотели вам заказать серию гравюр и рисунков, но есть одно обязательное условие: для этого придется выехать на натурные работы. Дело в том, что наш клиент родом из Алтая, начал там свое восхождение в большой бизнес и политику и влюблен беззаветно в родной край. И у него имеются особо любимые и памятные места, вот их-то вам и надо будет запечатлеть как можно подробнее в рисунках и перенести на гравюры и эстампы. Справитесь?

– Справлюсь, – растерялась немного Варвара и посмотрела на Гондарова. – Но... насколько это уехать? У меня же здесь работа, Антон Михайлович?

– Это тоже будет твоей работой, Варвара, – поспешил заверить Гондаров, – оформим как командировку, рисуй сколько понадобится.

– Скорее всего, Антон Михайлович, – вступила снова дизайнер, – придется нанимать проводников и уходить в небольшие экспедиции. Потому как наш клиент подготовил список тех самых любимых мест, запомнившихся ему на всю жизнь и запечатленных светлым образом в его памяти, и все они находятся в диких горах-лесах.

– Даже так? – протянул удивленный Гондаров и поделился сомнением: – Ну, тогда не знаю, отпустит ли ее муж по лесам-то шастать.

Муж не отпустил. Одну.

А взял первый за сто миллионов лет своей работы на холдинг отпуск и поехал вместе с Варварой.

Это даже не обсуждалось. Когда она вечером того же дня рассказала о сделанном ей интересном предложении, Костромин, отметивший про себя, как она, впервые после трагедии, оживилась и вдохновилась, спокойно заявил:

– Хорошо, значит, поедem на Алтай.

– Ты поедешь со мной? – аж задохнулась Варвара от радости, боясь окончательно поверить в такую возможность.

– Не, ну а как? – не понял Юрий ее удивления. – Не могу же я отпустить тебя одну с какими-то незнакомыми мужиками-проводниками по лесам-горам путешествовать?

– Боже, Юра, – воскликнула Варюха, сложив ладошки замочком на груди от полноты чувств, – как же это здорово, что не отпустишь! – и повторила на счастливом выдохе: – Как же это здорово!

Это был их первый совместный отпуск, первый выезд в путешествие. Вообще-то в настоящую трудную, выматывающую порой, на полном серьезе опасную и даже где-то экстремальную экспедицию.

Поскольку дядька тот предоставил целый список своих любимых природных мест, отметив точками на карте и подкрепив еще и фотографиями – здесь он первый раз охотился с отцом, здесь ловил рыбу, здесь учился скакать на лошади, а здесь прошел свой первый многодневный поход, а вот по этим местам они с друзьями путешествовали, здесь он покорял горы, а вот тут чуть не погиб, а здесь еще какая-то экстремальная запоминающаяся байда с ним приключилась, а здесь еще одна...

Помотались они по тому Алтаю от души и на долгие годы набрали воспоминаний. Столько прошли, испытали и натерпелись!

Пришлось учиться ездить на лошадях, да не развлечения ради, а для многодневного перехода, сплаваться по рекам – это из общих новых навыков на двоих, так сказать. У Юрия же сама собой образовалась отдельная программа обучения и приобретения новых знаний экспедиционной жизни, опыта и приемов выживания в тайге.

Ставить палатки, устраивать толковые стоянки, рыбачить и чистить рыбу, охотиться и разделывать добычу, разводить костер и готовить на нем походную еду, сторожиться медведя и не пугать другую живность, дружить с лесом и природой и уметь их слушать – и многое, многое, многое...

Охотиться самому Юре, правда, Варвара запретила.

– Ты, Юрочка, зверушек не убивай, ладно? – попросила серьезно она.

– Почему? – все же задал он вопрос.

– Ну, они живые, хорошенькие, им больно – разъяснила Варюха.

– А мужики наши охотятся, – напомнил он, – и мы едим эту их «хорошенькую» добычу.

– Им можно, они тут свои, а мы пришлые, нам нельзя, – что-то понятное только ей объяснила Варвара.

– А рыбу ловить можно? – усмехнулся Костромин.

– Рыбу можно, – разрешила ему жена и даже кивнула: – Она глупая.

Он посмеялся, и мужики, слышавшие их разговор, следом за ним поулыбались, но, когда Варюха устроилась на своем специальном стульчике за мольбертом рисовать, старшой проводников тихонько заметил Костромину:

– А ведь права жена твоя, Максимыч: нам можно зверя добывать, у нас с тайгой свои договоры и обычаи, а вы пришлые, ее не слышите. Вам тихонько надо, – ухмыльнулся, покачал головой одобрительно и добавил: – Смотришь, молодая совсем, городская, пичуга маленькая, а понимание правильное имеет. Недаром, значит, художница.

А Варя работала.

Увлекалась, забывая обо всем, засиживалась до сумерек за работой так, что спину потом разогнуть не могла, но ожила, ожила.

Костромин видел, как отходит она от тяжести душевной, излечивается, возвращается к себе прежней, к полной жизни, энергии радости, улыбок и смеха.

Потихоньку, день за днем, но лечила Варвару природа, исцелял душу Алтай. И ее, и его. Костромин явственно чувствовал изменения в своей душе, словно вливалось в него нечто незримое, мощное, и накапливалась какая-то сила, духовная, что ли.

Мужики, которые взялись их сопровождать, были коренные жители, такие матерые лесные люди, живущие в двух мирах – большую часть времени в лесах, а меньшую в цивилизации с семьями. В относительной цивилизации – села, поселки.

Но профессионалы они были классные, совершенно точно.

Когда Костромин и администратор их экспедиции, которого специально нанял Гондаров в Барнауле для подготовки столь непростого мероприятия, объяснили мужикам суть их похода и что именно собирается делать Варвара, те переглянулись понимающе меж собой, хмыкнули саркастически и старшой переспросил, уточняя задачу:

– То есть нам надо водить по определенным местам девушку-художницу, чтобы она рисовала, и мужа ее, который ее сопровождает?

– Да, – подтвердил администратор.

– Они москвичи и никогда в жизни не ходили по лесам?

– Да, – снова подтвердил администратор.

– Все понимают, какой это... – он назвал конкретным эпитетом данную задумку. – Нам их что, по чащобе на руках носить и веточкой мошкарку отгонять?

Администратор бесстрастным тоном с невозмутимым лицом назвал цифру предлагаемого гонорара.

Мужики крякнули, вновь переглянулись и потребовали столько времени на подготовку, сколько они посчитают нужным, и людей, и экипировку они возьмут такую, какую посчитают необходимой.

Клиент Гондарова оказался весьма щедрым, скажем так: заказчиком и ценителем творчества Варвары. Когда дизайнер показала ему работу Вари и объяснила свою задумку, мужик настолько возбудился идеей, что первоначальный замысел сделать пару-тройку гравюр любимых мест где-нибудь недалеко от городов и населенных пунктов – что-то вроде приятного пленэра на пикнике – превратился в целую подборку рисунков и гравюр со всего Алтая, и оплачивал он этот свой каприз весьма и весьма нехило.

Очень щедро. Более чем.

Ожидая от московской странной парочки только того самого, что старшой обозначил матерным словом, мужики нехотя взялись делать свою работу, внимательно и неодобрительно поглядывая на Костромина как на главу семейства. Ну, и на самом деле, какой нормальный мужик разрешит своей жене холеной-лелеянной, городской неженке тащиться в тайгу дикую с походным бытом, с кострами и палатками, по определению опасную к тому же!

Но, когда они присмотрелись к ним обоим повнимательней, подмечая любые мелочи, да еще увидели, как работает Варвара, прониклись такой уважухой, что прощали ей абсолютно все заморочки совершенно городского урбанистического человека.

И к Юрию почти сразу прониклись должным уважением, почувствовав в нем руководителя из числа истинных, не балаболок. Мастерской человек, у которого голова и руки к какому-то делу приучены, везде приспособится и быстро обучится чему-то новому прикладному, переймет новый опыт.

К тому же Костромин не стыдился своего неумения в незнакомом ему ремесле, корону московского перца крутого не носил и спрашивал, не стеснялся, что да как делать, советовался, перенимал опыт и не боялся показаться неумеющим, и мог упорно учиться, повторяя какой-нибудь навык, действие множество раз, пока не получалось.

Поэтому мужики как-то сразу притерлись друг к другу, уважительно относились, и замысел дизайнера постепенно воплощался в жизнь, поражая всех – Варвару силой и мощью своего творчества, которое она и не подозревала и не слышала ранее в себе, а вот, поди ж ты, этот загадочный Алтай пробудил, вытащил нечто глубинное, яркое, непростое. Костромина радовало, что жена отошла от беды, расцвела на природе, да и ему самому легко и вольготно задышалось, ему необычайно нравились эти непростые места, эта походная суровость, будни, требующие настоящих мужских действий, решений.

Костромин четко, на всю жизнь, запомнил день и час, когда они с Варюхой окончательно исцелились от своего горя и скорби.

У них выпало три дня отдыха перед походом к следующему месту назначения. Тот же барнаульский администратор, что устраивал экспедицию, подобрал им очень достойный туристический кемпинг, расположенный аккурат посередине между двумя точками их назначения. Ну, чуть в стороне, но условно можно считать, что посередине. К тому же это оказалась ближайшая база, на которой можно было нормально отдохнуть и подготовиться к следующему этапу экспедиции.

Другой вариант – город, до которого пилить с сотню километров, а то и больше.

Словом, кемпинг оказался лучшей идеей во всех отношениях.

Юрий с Варварой поселились в небольшом, но очень уютном коттедже с кухонькой, приличной душевой с туалетом и не самой маленькой спальней-гостиной в одной комнате, а мужиков поселили в большом доме на двенадцать

коек, но тоже вполне приличном, с кухней и с душем. Хотя в этом хозяйстве имелась своя столовая и кухня, на которой очень неплохо готовили, не хуже, чем в ресторане, а то и получше, и в основном местные традиционные блюда.

Предлагала эта туристическая база множество увлекательных экскурсий и развлечений, но это уже не про них. Спасибо, но мы спать-отдыхать, нам развлечений и без того достаточно.

Единственное, от чего Юрий и мужики не смогли удержаться, – это неспешная достойная рыбалка, на которую работники базы возили на «уазиках» за тридцать километров от кемпинга.

Варя же, пожелав удачи и знатного улова, устроилась на веранде их домика за мольбертом, что-то рисовала, доводила до совершенства уже сделанные рисунки, словом, занялась любимым делом.

Когда под вечер мужчины вернулись, она все еще сидела за мольбертом, но на суровый вопрос мужа, помнит ли она о запрете на чрезмерное увлечение работой, вызывающей у Вари боли в спине, весело отрапортовала, успокаивая его, что обедать ходила, и вообще отдыхает, и не напрягается, а затем поинтересовалась уловом.

А вот удался! Да еще как!

Довольнехонькие были они с мужиками, так по-мужски крепко и победно. Повар базы, приняв уважительно знатную добычу, обещал приготовить такую вкуснотищу небывалую, которой они и не пробовали никогда.

И приготовил. Именно такую, как обещал.

Персонал кухни накрыл великолепный стол для их компании прямо на веранде коттеджа, а готовить приладились на небольшой площадке перед ним.

Костромин пригласил за стол и повара и всех его помощников – рыбы хватало более чем, половину улова они так и вовсе на кухню в общий котел отдали.

Обалденно вкусно было! И такие у них посиделки получились потрясающие! Тихо, неспешно, а уж вид вокруг, а звуки... Горы вдалеке, лес густой и темный, переходящий в ажурный легкий подлесок ближе к базе, птицы гомонят наперебой, быстрая, громкая на перекатах небольшая речушка шумит – и такое умиротворение души наступает, не передать... да еще под богатое угощение, да люди все бывалые, тертые, интересные и рассказчики веселые. Мужики выпивали, как водится, но совсем немного, под ушицу знатную да горячую рыбку с мангала, ну и немного для разговора – все были не злоупотребляющими, а Костромин с Варварой так и вовсе не пьющие.

Рассказывали что-то об Алтайском крае, о своей жизни, о традициях и всякие интересные случаи из скитальческих лесных будней – и все неторопливо, с хитрым народным прищуром и шуткой.

Кра-со-та! Красота-а-а!

«Гость» к ним приходил – ежик, смешной такой, деловитый, – влез по двум ступенькам на веранду, обошел весь стол, всех обнюхал и остановился возле Вари.

– У нас тут ежей много, – поулыбался забавному зверьку повар, – умные такие, своего никогда не упустят, а туристы их балуют. Вы, наверное, тоже чем-то кормили? – спросил он у Варвары.

– Да, он приходил к нам вчера и сегодня, когда я рисовала, я ему молока налила и яблочка дала. Это один и тот же ежик, точно, у него такое беленькое пятнышко на мордочке, мы с Юрой рассмотрели.

– Ну, вот он и пришел за добавкой, – посмеялся повар.

Разошлись уж в темноте полной, так им хорошо сиделось, что не хотелось прекращать застолье, ребята помогли убрать и унести в столовую посуду и отправились спать, встали-то на рыбалку ни свет ни заря.

А ночью Костромина разбудила Варя.

– Юра, – трясла она его за плечо. – Ну, Юра! Проснись. Сделай что-нибудь!

- Что случилось? - в полусне пробормотал Костромин.

- Он топает! - сообщила недовольным тоном Варвара.

- Кто? - пробормотал он.

- Георгий.

- Какой Георгий? Он же Гога, он же Гоша? - начиная просыпаться, поинтересовался Юрий и перевернулся на другой бок, чтобы взглянуть на жену. - Поклонник твой местный?

- Нет, Георгий - это наш ежик, - с самым серьезным видом пояснила Варвара.

- И когда он стал Георгием? - смачно зевнул Костромин.

- Днем, когда вы были на рыбалке, я дала ему громкое имя, - тем же серьезным тоном сообщила Варвара.

- Зачем ему громкое имя? - закрыв глаза, попытался было снова сбежать в сон Юрий.

Но жена не предоставила ему такой сладкой возможности и снова потрясла за плечо.

- Потому что он молодец, победитель и все такое. Я смотрела, как он эти две ступеньки преодолевает, прямо как мы по горам ползли: цепляется передними лапками, а потом так смешно перебирает задними, подтягивая их, пару раз падал, но все-равно взял вершину.

- Угу-м... - согласился Костромин, погружаясь назад в сон.

- Юра, не спи! - потребовала она и принялась трясти с новой силой.

- Не сплю, - уверил он и, добавив в голос чуть больше бодрости, поинтересовался: - Так. И ты меня разбудила, чтобы рассказать о Георгии?

– Нет, я тебя разбудила, потому что ты очень умный и должен придумать, что сделать, чтобы он не ходил по веранде. – И пожаловалась капризно: – Он ужасно топает туда-сюда и сопит громко-громко.

– Ты его прикормила, вот он и забирается на веранду, ищет блюдце с молоком. Его надо просто отнести на землю, – зевнул от души Юрий.

– Я уже выносила, – призналась Варвара. – Но он вернулся. И снова топ-топ-топ, и сопит, сопит, спать невозможно! Что делать-то?

– Взять блюдце с молоком и яблоко, дать ему понюхать и, приманивая, спуститься с лестницы, положить еду на землю, – давал дельные советы Костромин, – и там оставить. Он поест и в следующий раз станет искать блюдце у крыльца. Все, – и перевернулся обратно на другой бок.

– Я говорила тебе, что ты гений? – весело спросила Варвара, подскакивая с кровати.

– Позавчера, – подтвердил он, устраиваясь поудобней.

– И сегодня, когда увидела ту здоровенную рыбу, которую ты поймал, – напомнила она.

– И сегодня, – совсем сонным голосом подтвердил Костромин, но резко открыл глаза от озарившей его мысли и приказал: – Стой! – Снова повернулся и посмотрел на жену, накинувшую куртку поверх коротенькой шелковой ночнушки. – Ты так, что ли, собралась идти? Замерзнешь, холодно там. – Перекатился, сел на кровати и проворчал недовольно: – А-а-а, с тобой пойду, а то еще забодает тебя там этот Георгий.

Он поднялся с кровати, натянул походные спортивные брюки, взял плед с кресла, закутал поверх куртки жену и распорядился:

– Ну, идем возвращать животное в его естественную среду обитания.

Еж был благополучно выманен блюдцем с молоком и несколькими кусочками яблока с веранды на участок перед домом, где и получил свое вознаграждение

за великолепно исполненный трюк спзания со ступенек. Вернули живность в мать-природу.

А Юрий и Варя остановились, обнявшись, засмотрелись на далекие горы с посветлевшими от близкого рассвета вершинами, зачарованные открывающейся картиной, прислушались к себе, к миру и даже непроизвольно дышать тише стали.

Наступал тот самый удивительный момент, когда перед торжеством возрождающегося солнца затихает природа, словно затаив дыхание перед величием красоты и торжеством жизни, что несет с собой новый рассвет, замолкают птицы, и кажется, что даже речка шумит не так весело, и накрывает мир торжественная тишина, в которой ощущается и величие жизни, всегда побеждающее смерть...

Они одновременно почувствовали высоту этой минуты и ощущение торжественной святости внутри себя, отзывающуюся резонансом на эту небывалую тишину – нечто непередаваемо высшее, величественное...

Костромин медленно развернул к себе Варвару, наклонился, поцеловал... и они нырнули в потрясающей красоты и силы чувство, в эту вознесенную восторженность. Непередаваемое величие ощущалось в их душах, когда они соединились телами в тишине под побеждающим рассветом и неотрывно смотрели друг другу в глаза.

И Костромин смотрел в поразительные глаза своей жены, из которых выкатились две крупные слезы... и переживал нечто непередаваемое.

– Все, – печально и торжественно тихо сказала она. – Ушел...

– Все, – подтвердил он, проживая с ней вместе одно чувство и откровение на двоих. – Отпустили...

Они чувствовали в тот миг, как покидает их совсем, окончательно скорбь по неродившемуся ребеночку и освобождается душа от боли...

Он перекатился на бок, притянул жену к себе, укрыл их обоих пледом. И они лежали, смотрели вверх, на вершины начинающих розовесть гор, и им казалось, что маленький ангел улыбнулся и помахал рукой откуда-то оттуда с рассветного неба, послал воздушный поцелуй, постепенно растворяясь в небесной вышине...

А ежик с громким именем Георгий сопел и подбивал носом пустое блюдечко от молока, требуя добавки.

Победитель...

Костромин до сих пор помнил те чувства, что они пережили тогда вместе с Варюхой, словно эти ощущения отпечатались во всем организме, в каждой клетке. Воспоминания об этом моменте, накрыв его с головой, делали нынешние терзания еще больнее, еще более темными и безысходными...

Сладкая пытка воспоминаниями продолжалась.

Он поднялся разбитым и уставшим от самого себя и пошел бегать, надеясь хоть немного отстраниться от этого мучения.

Ей снилось то величественное утро на Алтае, когда они лежали обнявшись, глядя в высокое светлеющее небо, в которое улетал их не родившийся ангелочек, прощаясь с ними и улыбаясь светло и грустно... И эта высь в душе...

Варвара снова проснулась в слезах и, не открывая глаз, все тянула и тянула нить памяти...

Алтай оставил в душе обоих неизгладимое впечатление и совершенно очевидно изменил их, сделав сильнее, принеся что-то неуловимое, тонкое, установив какие-то новые душевные настройки.

Выяснилось, что эта поездка сделала Юрия с Варей заядлыми путешественниками по отдаленным уголкам страны. С той самой поездки началось их увлечение такого рода туризмом, и они несколько лет подряд

путешествовали, заразив своим энтузиазмом и приобщив к этому увлечению еще две пары своих друзей. И вот катались, где на личных машинах по тысячи-две километров от Москвы, а где на самолете летали, куда не доехать на автомобиле.

Но это в будущем.

А тогда...

Тогда, вернувшись из экспедиции, Варвара доработала свои рисунки, встретилась с дизайнером, и они решили, с каких работ следует делать гравюры. После выполнения заказа Варвара с Юрием получили приглашение от самого клиента посетить его в новом доме. Лично.

Клиент неплохо заплатил Варваре за работы, а если посчитать, сколько он потратил на достойную организацию экспедиции, так даже очень круто заплатил, получив в собственность и рисунки, и оттиски, и сами «доски» с гравюрами. Дизайнер даже интересно обыграла их в интерьере.

Юрий с Варей поразились, увидев, что ее работы представлены не только в двух гостиных комнатах – малой и большой, но развешены во всем доме, даже в комнате отдыха в банном комплексе.

Заказчик, известный всей стране человек, от души благодарил художницу за работу, восхищался ее талантом и, главное, признался, что она смогла передать не только сам вид памятных ему мест, но и общее настроение, все именно так, как ему самому это виделось, помнилось и совпадало идеально с его вкусом.

Ну и как бы слава богу, и спасибо вам, а мы пойдем.

Поздоровкались, как говорят в Украине, с барином, и хватит с нас.

Но заказчик к тому же пообещал порекомендовать Варвару как талантливого художника друзьям и знакомым. Впрочем, сами ее работы, выставленные в его доме, уже были бо-о-о-ольшой рекламой ее творчества, если учесть, какие у него бывают люди.

Кстати, не просто пообещал, но и исполнил обещание.

Но об этом чуть позже.

Варвара же четко поняла, что хочет в дальнейшем заниматься именно рисунком и гравюрой, а не архитектурой, поэтому и созрело ее естественное решение уйти с работы. Юрий поддержал, а Гондаров, вздохнув тягостно в своей любимой манере, смирился, напомнив Костромину:

– Я тебе тогда еще сказал: девочке следует вплотную заняться рисунком, у нее талант. Впрочем, в архитектуре она тоже была хороша. Отпущу, разумеется, и выходное пособие выдам приличное, заказчик тот нас разрекламировал всерьез благодаря твоей Варваре.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Юрий.

– Тебе спасибо. Вам с Варварой, – ответил взаимностью Гондаров и пояснил: – Благодаря твоей, скажем так, протекции у меня работал действительно талантливый дизайнер, а не тот рекомендованный мажорчик. А на ее место я возьму одного классного мальчика. Пацан – гений. То, что он творит, идет вразрез с любыми канонами и с современной трактовкой, но гениально, взрывает все устои и правила. Возьму, хотя его никто не берет. А потому что не понимают, что лет через пять он будет недостижим в своем творчестве. А я понимаю.

– Тогда удачи. Гении бывают весьма капризны, – пожелал Костромин.

– Не помешает, – усмехнулся Гондаров.

Варвара засела дома, доделывая рисунки, привезенные из Алтая, те, что оставила для себя и друзей, да в надежде на участие в какой-нибудь выставке. Костромин купил ей небольшой домашний станок для гравюр, сам его установил, настроил наилучшим образом и частенько помогал жене «откатывать» доски, порой даже с удовольствием участвуя в этой части творческого процесса.

Теперь их некогда большая комната казалась совсем небольшой, стало вдруг как-то неожиданно мало места для жизни.

И само собой задумалось – прилетело, так сказать, вместе с крепким словцом, когда Костромин однажды утром долбанулся большим пальцем ноги о станину станка – о срочной необходимости расширять пространство проживания путем приобретения жилплощади гораздо большего метража.

Это, если резюмировать, в действительности сценка получилась колоритная.

– Мать твою!! У-ё-ё-ё!! – скакал на одной ноге Костромин, держа ушибленный палец. – Надо немедленно квартиру нормальную покупать, пока не убились к такой-то матери!! И хватит откладывать! Расхлебаем!

Варвара, задорно хохоча, приложила лед, завернутый в кухонное полотенце, к его пострадавшему пальчику и даже дула на него для большего психологического эффекта.

Ну, прокричал – надо действовать. И Костромин серьезно занялся квартирным вопросом.

Да и правду говоря – назрело уже давно!

Полгода назад Костромина назначили начальником отдела в Центральном управлении холдинга, и получал он теперь очень нехилые деньги. Поверьте – очень нехилые! Он и раньше-то хорошо зарабатывал, но теперь с прежними доходами не сравнить.

Шуб, брильянтов-драгоценностей, машин класса люкс и усадеб на Рублевке Варвара от мужа не требовала и, мало того, категорически отвергала эдакое нуворишество, с ее точки зрения, дешевое. Две шубы ее пока вполне устраивали, а за руль ей категорически было нельзя, потому как Варвара и вождение автотранспортного средства оказалось так же несовместимы, как порох и горящая горелка в руках ребенка, то есть нет. Совсем нет! После первой же попытки попробовать.

Вот совсем и окончательно. Такси прекрасно перевозило ее нежное тело, когда муж, в силу занятости, не имел возможности делать это сам.

Точка.

До дома на природе в элитном поселке они с Костроминым пока не доросли морально. Нет, материально, сильно крякнув, затянув пояса в режиме плотной экономии, палаты каменные аль деревянные можно было и потянуть за пару-тройку лет стройки.

Да только ни Варвара, ни Юрий пока не прочувствовали прелести загородной жизни и не испытывали тяги перебраться поближе к природе, им вполне хорошо жилось и в Москве.

Это все к тому, что финансы позволяли Костромину вплотную заняться покупкой жилья. Начнем с того, что практически сразу после женитьбы они с Варварой решили, что надо копить на свою квартиру, открыли специальный счет в банке, и Костромин принялся откладывать деньги на приобретение жилья.

Но потратился. Во-первых, дачу под Ростовом для родителей он купил совсем недавно. Те поначалу отнекивались, но переубедить Юрия трудно, особенно когда его безоговорочно поддерживает жена.

Поэтому родители поотказывались некоторое время да махнули рукой и с удовольствием принялись выбирать себе дом. Объездили многие дачные поселки и нашли то, что им понравилось и сразу легло на душу, как родное – и участок на пятнадцать соток (а им больше и не хотелось), и домик не большой, не маленький, в самый раз, с тайным прицелом и надеждой на внуков. Да и сам поселок, окруженный хорошим лесом, явно грибным и ягодным, начинавшимся сразу за задней калиткой их участка, – все по душе. По сердцу.

Костромин привез бригаду строителей, своих, проверенных, те сделали капитальный ремонт, оснастили дом всем необходимым: отоплением, горячей водой, канализацией, даже ледник соорудили большой. И полностью перестроили баню, увеличив ее и поставив современное оборудование. Даже грядки сделали высокие, поднятые над землей в коробах.

Все, этот долг Костромин отдал.

На новогодние праздники они с Варварой, двумя Юриными друзьями по институту и их женами поехали на Байкал. Классно было, не передать! Поморозило, правда, хорошенько, но впечатления от поездки это нисколько не испортило, лишь прибавило остроты.

Очень здорово попутешествовали.

Дача под Ростовом – это не домик в элитном поселке в Подмоскowie, понятное дело. Но брешь ощутимую в сбережениях пробила. Оставалось рассчитывать только на зарплату Костромина, учитывая еще и тот факт, что Варвара с работы уволилась и жить теперь приходилось только на его заработки, хотя свой взнос в общие семейные сбережения она внесла приличный – то, что получила за работы от заказчика, и то самое большое выходное пособие от Гондарова.

Но сбережения сбережениями, а жизнь – это жизнь.

Зарплата, особенно большая, разумеется, хорошо, но на одну зарплату даже уровня топ-менеджера высшего звена крупной компании квартиру разом не купишь, тем более что повседневные расходы еще никто не отменял. Например, тот факт, что при такой должности Костромин обязан был соответственно выглядеть, то есть дорого и качественно одеваться, ездить на представительском автомобиле и... и все остальное тоже соответственное.

Достоверно зная все про стройки и торговлю жилплощадью, про ипотеки и жилищные кредиты, Костромин пошел своим путем. А именно: переговорил с самым высоким начальством холдинга, и они предоставили на выбор несколько квартир, собственником которых являлось само предприятие, с возможностью приобретения жилья по внутрихолдинговым ценам. А это со-о-о-всем другие цены, поверьте. Как сказал ему начальник:

– При том как и сколько ты работаешь на холдинг, Юрий Максимович, вообще-то квартиру тебе следовало дать бесплатно, как некоторым нашим коллегам. Но дать могу только двушку-маломерку в типичном эконом-проекте, сам понимаешь какого качества. А ты, смотрю, – и он заглянул в заявление, что лежало перед ним на столе, – хочешь площадь сто двадцать в элитном проекте. Так что извини, но придется тебе ее выкупать. Сумму для тебя поставлю самую минимальную, какую только можно, да еще и со скидками.

Нормальный предприниматель высшего эшелона. Чего, спрашивается, ты не дал ту самую двушку раньше? Ну, продал бы сейчас ее Костромин, добавил денег и приобрел бы то, что хотел.

Бизнес есть бизнес: не просил, не настоял – пролетел. Не знал? Не подумал? А-а-а, ну что ж! Нам же выгодней, что не знал.

Все по правилам.

Но начальство все же совесть какую-никакую имело, Костромина и на самом деле ценило всерьез и понимало, что откровенно обошло очень ценного работника, ну, очень ценного, и сделало некоторые поблажки и большие преференции при подборе и продаже квартиры и при ее отделке. Да и рассрочку беспроцентную оформили, за что отдельное большое спасибо от четы Костроминых.

На самом деле чего ворчать? Ту бы двушку, что ему могли бесплатно дать, Костромин понимал, пришлось бы до ума доводить неизвестно сколько и вкладываться всерьез материально, чтобы потом продать. Без этого никак, и еще неизвестно, в какие бы деньги вышел.

Словом, влез Костромин в дело приобретения жилья по самую макушку.

Сам выбирал квартиру, зная досконально все о домах и проектах, по которым они строились, кто и как возводил, где какие недостатки, какие достоинства. Бригаду отделочников свою взял из самых лучших мастеров, к тому же бригадир многим был ему обязан и делал все на совесть, от души.

А Варвара тем временем с упоением и радостью погрузилась в творчество, да только с реализацией оно у нее не получалось, хоть тресни.

Костромин и ее родители подключили всех знакомых, все связи, чтобы продвинуть работы Варвары, целые масштабные операции проводили, рекомендуя ее как художницу, рекламируя, предлагая ее рисунки и гравюры. Леонид Николаевич повсюду носил с собой папку с работами дочери, ходил на переговоры.

Но...

Ничего. Тишина.

Сколько их, художников-то? В одной Москве сотни тысяч разнообразных. Вон, только Суриковский каждый год тысячи выпускает.

И где они все?

И всем надо реализоваться, и у большинства тоже есть знакомые-перезнакомые, родные и далекие.

Выставок на всех не хватает, а уж признания и подавно.

Так и сидела Варюха за мольбертом, печатала на станке, ходила, как на работу, в разные учреждения художественной направленности, объединения и группы, предлагая себя, да все без толку.

Кое-что взяла та самая дама дизайнер, несколько работ купили другие дизайнеры, но на этом все.

Вот и сидела Варя без заказов, считай, восемь месяцев.

Но на пороге грустного отчаяния любимый муж неожиданно увлек Варвару интересным проектом – самой сделать дизайн их новой квартиры. Сделать и реализовать, как говорится, «под ключ».

– Ты же архитектор и художник, – обескуражил он ее за ужином в ресторане, куда специально пригласил для этого разговора. – К тому же кто как не ты лучше всех знаешь наши вкусы, пристрастия, привычки. Например, какой диван я люблю: чтобы на нем можно было и сидеть, и валяться, как в удобной люльке, – широкий и глубокий. Предупреждаю заранее: другой мне не нужен. Или с какой стороны кровати ты любишь спать и что тебе необходимо под рукой. Какие цвета, формы предметов... – улыбаясь, объяснял он.

– Ну, конечно! – вскричала она и, подскочив с места, кинулась обнимать и целовать мужа. – Конечно! Как я сама не догадалась! – И зацеловывала его,

радостно смеясь. – Ты гений, Юрочка!! Ты точно гений, Юра! – Слушай, – говорила она возбужденно, – я настолько погрузилась в рисунки и попытки куда-нибудь их пристроить, что забыла обо всем на свете! – И расцеловав его в щеки еще пару раз, сияя глазами, в которых полыхали от эмоций огоньки, торопливо объясняла: – Я же подумала об этом, еще когда мы обсуждали покупку квартиры. Но так мимолетно, подумала и забыла. Ну, надо же! – И отвлеклась от мужа, погрузившись в свои размышления. – Я даже представляю, что и как там можно сделать! Классно получится, вот увидишь!

– Обязательно, – легко согласился он и напомнил: – А теперь мы можем торжественно поесть по этому поводу.

Реализация идеи заняла восемь месяцев, после чего долгожданный переезд состоялся.

И с въездом в свою квартиру, в которую они оба влюбились с первого дня проживания, так хорошо, тепло и невероятно уютно в ней оказалось, начался новый интересный этап их жизни.

Варвара получила предложение поучаствовать в некоем конкурсе на право стать художником-оформителем в издательском проекте.

Дело в том, что тот замечательный клиент, любитель Алтая, рекламировал Варвару гостям, посещавшим его дом. Как-то среди этих самых гостей оказался издатель одного небольшого, но, можно сказать, элитного издательства, которое занимается выпуском классики в книгах высокого качества, на специальной дорогой бумаге, в дорогих переплетах и главное – с авторскими иллюстрациями. Что-то среднее между обычной книгой и суперэлитными фолиантами за тысячи-тысячи. Дорого, богато, со вкусом и пока еще доступно, хоть и людям с достатком.

Вот одним из проектов этого издательства стало издание иллюстрированных книг Гоголя.

Вы представляете себе, какое это поле для фантазии художника?!

Гоголь! Николай наш Васильевич! С его Диканькой, «Вием» и «Мертвыми душами»? Это же пир души, ей-богу!

Варвара пропала вся в этом конкурсе с головой и потрохами!

Рисовала даже во сне. От переутомления и постоянного напряжения исполняла работу реально, то есть спала и водила рукой, мысленно рисуя, рисуя так, что Костромину приходилось ее будить, обнимать и успокаивать, укачивая.

Конкурс Варя выиграла, но не на все произведения, а именно на те самые «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Но это вообще-то победище!

У Варвары очень здорово получилось. Очень! И на презентации книги ее и других художников чествовали долго и со вкусом.

И отчего-то именно в этот момент начали «выстреливать» все долгие протезирования семьи, и за первой работой неожиданно последовало предложение поучаствовать в большой совместной выставке «Российская графика». Варя засела на пару месяцев за мольберт, готовясь к выставке, увлекаясь, как обычно, до полного погружения.

Выставка прошла замечательно, Варвару отметили как одного из выдающихся молодых художников и пригласили сразу в два проекта: один снова издательский, очень интересный – сказания Древней Руси, а второй дизайнерский – цветная гравюра, а это техника немного иная, многослойная, которую предстояло освоить и изучить.

И началась загруженная и необычайно захватывающая жизнь Варвары в творчестве.

Теперь она была занятой, востребованной художницей.

У Костромина тем временем дела тоже шли своим чередом, но на каком-то этапе настигли его непростые размышления о будущем.

Чувствовал Юрий, что достиг своего потолка в работе в этом холдинге. К тому же азарт пропал, что ли, некая лихость, стремление добиваться чего-то нового, пошла рутина бесконечная, начинавшая угнетать. И мыслилось что-то, мелькало

в голове все чаще и чаще, пока никак не оформляясь в конкретную идею, но что-то манкое, возможное...

Два года пролетели практически незаметно, отмеченные лишь вехами Варвариных достижений, сделанных ею работ, прошедших выставок и торжественным внесением последнего взноса за квартиру, ставшей окончательно их собственностью.

– Стапятидесятитрехлетняя старушка с криком «Повезло вам, сволочи!» внесла последний вклад за ипотеку! – прокомментировала последние события Варя и рассмеялась заразительно.

Конечно, было много интересного в их жизни – удивительные поездки в летние и зимние отпуска. С приснопамятного Алтая они стали заядлыми путешественниками. И каждое путешествие проходило неповторимо, надолго оставаясь в памяти и в рисунках Варвары. Ну и в фото, и видео, разумеется.

Все у них складывалось замечательно, вот только детей не получалось.

Совсем.

Прошли еще раз обследование, которое лишь подтвердило вердикт врачей четырехлетней давности – абсолютно здоровы, замечательно совпадают по всем показателям, никаких противопоказаний и препятствий к беременности нет.

Есть, понимали все.

И прекрасно понимали, какие именно препятствия – некий стоп-кран у Варвары в подсознании: страх снова потерять ребенка. И к врачу ходить не приходилось, все было настолько очевидным и прозрачным, хоть она и посетила психолога, лишь подтвердив свои предположения на этот счет.

Ну, подтвердила, и что? Посещать сеансы и рассказывать про отношения в семье и свои детские страхи? Или проходить жесткую терапию? Варя категорически отказалась от любых вариантов.

– Не хочу обсуждать это с чужим человеком! – заявила Варвара Юрию, когда он завел разговор об этом.

– Ну, хорошо, – вздыхал он. – Обсуждай со мной.

– А что мне с тобой обсуждать? – пожимала она плечами. – Мы оба все об этом знаем. – И улыбалась ободряюще: – Да само как-нибудь пройдет, Юр!

Но не проходило, настаивать Костромин не хотел, хотя подозревал, что не все так просто, как кажется и как пытаются объяснить им врачи, – психосоматика, страх снова потерять ребенка. Возможно, есть что-то еще, какое-то иное препятствие, и Юрий даже стал немного побаиваться: вдруг это болезнь потяжелее и страшнее, надо бы пройти более расширенное обследование.

Он попробовал еще раз поговорить об этом с Варей, она выслушала доводы мужа и обещала серьезно подумать над его предложением. Но вскоре у нее начался новый проект, а у Костромина закрутились такие дела, что он не смог думать про что-то иное, кроме них.

Все его душевные терзания, все сомнения и туманные прикидки вылились наконец сформировавшимся решением. А именно – уходить из холдинга и начинать свое дело!

Вот так – ни много ни мало!

И как только Костромин это понял, осознал всю серьезность своих намерений, тут же просветлело у него внутри и словно ослаб зажим какой-то многолетний, и стало понятно, что это именно то самое, чего хотела душа и к чему стремилась, чтобы двигаться вперед, делом заниматься, развиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/schast-e-lyubit-tishinu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)